

Круглый стол в ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений

3 апреля 2019 г. Центром изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН был организован Круглый стол «Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений», в работе которого приняли участие ведущие специалисты Института и других научно-образовательных учреждений и организаций: д.и.н., профессор РАН **А.В. Ломанов**; к.и.н., заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.С. Давыдов**; д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН **Ю.М. Галенович**; к.и.н., старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.О. Виноградов**; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **Е.И. Сафронова**; к.и.н., заместитель директора ИДВ РАН **С.В. Уянаев**; д.полит.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН **В.Е. Петровский**; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **С.Л. Сазонов**; старший научный сотрудник ИДВ РАН **А.Ч. Мокрецкий**; к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **К.В. Асмолов**; к.э.н., член Международной ассоциации арктических социальных наук **А.К. Криворотов**; к.и.н., старший научный сотрудник ИВ РАН **Н.А. Замараева**; консультант фонда «Озеро Байкал» **А.Ю. Ефимов**; д.э.н., заместитель директора ИДВ РАН **А.В. Островский**; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **М.В. Александрова**; к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **В.А. Матвеев**; к.полит.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **П.Б. Каменов**; к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН **А.С. Исаев**; младший научный сотрудник ИМЭМО РАН **К.А. Гемуева**; первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы **Г.В. Куликова**.

Открывая обсуждение, директор ИДВ РАН, проф. **С.Г. Лузянин** обратил внимание собравшихся на то, что текущий год является юбилейным с нескольких точек зрения — в 2019 г. исполняется не только 70 лет со дня образования КНР, но 70 лет с момента установления дипломатических отношений между новым Китаем и Советским Союзом. Китай сегодня является стратегическим партнером России, а отношения с КНР — ведущим направлением российской внешней политики. В апреле текущего года президент РФ В.В. Путин должен присутствовать на форуме «Один пояс, один путь» в Пекине в качестве почетного гостя. Отношения стратегического партнерства и взаимодействия с КНР являются для России важными и приоритетными как для обеспечения развития РФ, так и для обеспечения стратегических интересов российского государства на международной арене. Вместе с тем, в российско-китайских отношениях существуют определен-

ные проблемы, мешающие в полной мере развивать двусторонние связи долгосрочного сотрудничества и партнерства.

Ниже следует основное содержание выступлений участников Круглого стола.

А.В. Ломанов

Перспективы развития российско-китайских отношений в изменяющемся внешнеполитическом контексте

Ситуация, когда отношения России с Западом были заметно хуже, чем отношения Китая с Западом, завершилась в 2018 г. с началом «торговой войны», которую инициировала администрация Дональда Трампа. Внешнее давление заставляет Пекин более активно развивать отношения с другими партнерами, китайская заинтересованность в сотрудничестве с Россией увеличилась.

Китайский ответ на «торговую войну» включает меры по расширению экономической открытости внешнему миру. На сессии ВСНП в марте 2019 г. был принят новый Закон об иностранных инвестициях, расширяющий возможности и гарантии для зарубежных предпринимателей. Подобные действия помогли Китаю три десятилетия назад преодолеть негативное влияние западных санкций, введенных после событий на площади Тяньаньмэнь.

Однако ситуация заметно изменилась. В наши дни Китай воспринимают на Западе уже не как отсталую страну с переходной экономикой, продвигающуюся в направлении постепенного демонтажа однопартийной системы власти, а как опасного соперника, который бросает западным корпорациям вызов на мировых рынках. «Антикитайский консенсус» американской элиты становится все более прочным, в отношениях между Китаем и США слишком явно проявился элемент стратегического соперничества, который отсутствовал на прежних этапах осуществления китайских реформ.

Выступления китайских руководителей показывают, что концепция «дипломатии большого государства с китайской спецификой», как и прочие аспекты «внешнеполитических идей» Си Цзиньпина, не будут пересмотрены, даже если они вызывают раздражение у западных политиков и побуждают их к проведению более жесткой политики в отношении Китая.

Несмотря на все трудности, с китайской точки зрения китайско-американские отношения по-прежнему являются приоритетом. В Китае всячески подчеркивают позитивное значение встречи Си Цзиньпина и Дональда Трампа в начале декабря 2018 г. на саммите «большой двадцатки» в Аргентине. Их договоренность о прекращении новых действий в «торговой войне» характеризуют как «важный консенсус». Российской общественности не следует ожидать от китайского руководства напористой антиамериканской риторики. Публичная критика в адрес США не будет звучать до тех, пока у Пекина остается хотя бы малейшая надежда на заключение выгодной сделки по условиям двусторонней торговли.

Россия устойчиво занимает в китайской шкале внешнеполитических приоритетов почетное второе место. Изменение этого порядка может произойти в случае перехода китайско-американских отношений от соперничества к враждебности и конфронтации до той степени, когда у Китая появится заинтересованность в создании военно-политического союза с Россией. Этот сценарий сулит много рисков для обеих стран, его нельзя считать желательным.

В начале 2019 г. глава МИД КНР указал на появление в отношениях с Россией «полностью нового проекта» (*цюань синь ланьту*) развития связей двух стран. Эта формулировка может указывать на существенное обновление планов сотрудничества с учетом изменения внешнего контекста. Пекин выражает намерение использовать в 2019 г. празднование 70-летия установления дипломатических отношений двух стран для того, чтобы «по всем направлениям продвигать стратегическое сотрудничество высокого уровня», «вывести отношения всестороннего стратегического партнерства на новую ступень».

На пресс-конференции в марте 2019 г. министр иностранных дел КНР Ван И выразил уверенность в том, что под руководством лидеров двух стран отношения Китая и России «войдут в новую эпоху». Тема «новой эпохи» стала ключевой в китайском политическом лексиконе со времени провозглашения на XIX съезде КПК в 2017 г. наступления «новой эпохи социализма с китайской спецификой».

Китайская сторона подчеркивает, что видит большой потенциал развития двустороннего экономического сотрудничества с Россией. В марте 2019 г. премьер Ли Кэцян отметил, что на фоне спада в мировой торговле двусторонний товарооборот в 2018 г. превысил 100 млрд долл. По его словам, это «новый знак», который показывает, что сотрудничество имеет большой потенциал. Призыв премьера использовать все имеющиеся приемы (буквально — «восемнадцать видов оружия») для закрепления достигнутого объема торговли выглядит как указание на понимание китайской стороной неустойчивости достигнутого показателя и его зависимости от волатильности цен на сырьевых рынках. Тем не менее, Ли Кэцян сказал о продвижении к цели выведения двустороннего товарооборота на уровень 200 млрд долл.

Продолжение и расширение западного давления на Россию и Китай будет стимулировать дальнейшее сближение двух стран. Обретение новых международных партнеров, экономические реформы и расширение открытости внешнему миру способны стать эффективным инструментом противодействия санкциям и «торговым войнам».

А.С. Давыдов

Китайско-американские отношения: взгляд из России

Взаимоотношения КНР и США вызывают жгучий интерес широких общественных кругов. Что на самом деле происходит в отношениях двух стран? В чем причины конфликта?

Оценки причин возникновения торговой войны между США и КНР варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли — до признания вины за Соединенными Штатами, не желающими смириться со стремлением Пекина к приобретению статуса глобальной державы. В первом случае действия Вашингтона оцениваются как «принуждение Пекина к ответственному поведению, соблюдению правил и норм, принятых в современной международной торговле, расширению открытости сообразно собственным китайским заявлениям о либерализации торговли, ускорению перехода к рыночной экономике».

Во втором случае нынешняя американско-китайская торговая война трактуется как геополитическая борьба двух государств за глобальное лидерство. И в этом контексте действия Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа затормозить становление КНР как сверхдержавы. Это гораздо ближе к истине, т.н. торговая война — всего лишь внешняя оболочка глубинных внутренних противоречий и конфликтов во взаимоотношениях двух стран.

США переживают кризисный период недовольства и разочарований, связанных с потерей надежд на мировое лидерство и абсолютное доминирование, якобы гарантированные им после победы в холодной войне. Они усугубились также несбывшимися расчетами на усиление превосходства и преимуществ Америки за счет запущенного в свое время не без ее участия процесса всемирной глобализации, «вожжи» которого у нее на определенном этапе перехватил все тот же Китай.

Трамп, сменивший «глобалиста» Обаму, начал шаги по отходу от глобализационных трендов, включая отказ от тех правил международной торговли по нормам ВТО, которые он считал несправедливыми для США. Антиглобализм Трампа привел к пересмотру основ торгово-экономических отношений между США и КНР, к возникновению пресловутой «торговой войны». Но это не просто торговая война в чистом виде, а начало схватки за изменение нынешнего мироустройства.

США сочли, что схватку начал Китай, который, помимо достижения статуса второй (а в чем-то уже первой) экономики мира, активно расширяет свое глобальное влияние и геостратегическое пространство не только в АТР, но и в других частях света. Его замысел «пояса и путей» они восприняли как один из инструментов Пекина по усилению такого влияния.

Китай, со своей стороны, заняв ведущие позиции в мировой экономике и решительно отрицая при этом собственное стремление к гегемонизму, на деле по существу демонстрирует непреодолимое желание перейти из статуса региональной в статус глобальной державы с последующим, если сложится, превращением в единственную супердержаву. На это прямо и косвенно указывают его планы, озвученные во многих государственных и партийных документах, включая материалы последнего XIX съезда КПК.

Для достижения статуса сверхдержавы любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на него в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, современных науке и технологиях, военной мощи и геостратегическом положении и влиянии. На данный момент указанным критериям отвечают лишь США.

Китай имеет высокий экономический рейтинг, обеспеченный в свое время за счет выполнения роли «мировой фабрики» и широкого пользования торгово-экономическими льготами, предоставляемыми ВТО развивающимся странам. Проводившаяся КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика привела в итоге к тому, что у нее появилась реальная возможность не просто догнать экономически более развитые страны Запада, но войти в группу мировых лидеров в области технологий и производства.

Страх и тревога в США в связи с тем, что КНР становится их реальным конкурентом в высокотехнологичных отраслях, являются обоснованными: китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире; крупнейший в мире радиотелескоп находится в Китае. И, наконец, Китай намерен доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

В то же время США и Китай не только конкурируют, но и взаимно зависят друг от друга. США — от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай же зависит от сохранения способности американских потребителей по-прежнему покупать китайские товары, а также от передовых технологий США в некоторых ключевых областях.

Известно, что наряду с экономическим лидерством целью КНР является достижение к середине нынешнего столетия мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния. Для этого Китай предпринимает активные шаги и наряду с военной реформой, усилением НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений активизирует ее участие в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом. А реализация концепции «полюса и путей» при определенных условиях может способствовать усилению не только торгово-экономического, но и стратегического воздействия Китая в глобальном масштабе.

Особый китайский «подход» к развивающимся странам зачастую заставляет их верить в то, что только Пекин способен адекватно воспринимать имеющиеся у них проблемы и предоставлять эффективную поддержку и помощь.

Однако силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций не идут пока ни в какое сравнение с теми возможностями и средствами, которыми располагают США, не говоря уже о сопоставлении военно-стратегической мощи двух госу-

дарств. Даже без учета ракетно-ядерного компонента, преимущества США в боевой сухопутной и морской мощи на сегодня являются решающими.

Ряд зарубежных и российских наблюдателей считают, что даже если планируемая торговая сделка США и КНР состоится, она поможет ослабить напряженность в отношениях между ними лишь на короткое время, но не решит фундаментальных экономических проблем в их отношениях, которые ведут к росту геополитической и военной напряженности. Теоретически с этим можно согласиться, но реальной горячей войны в ближайшей перспективе пока не предвидится. Во-первых, в силу тех военных и геостратегических ограничений у Китая, которые упоминались выше, а во-вторых, вследствие наличия во взаимоотношениях двух стран т.н. красных линий, за которые они не рискнут переступить. К ним относятся колоссальная торгово-экономическая взаимозависимость, взрывоопасный фактор Тайваня и фактор географической удаленности двух стран друг от друга, «недостижимости» Америки для китайских боевых средств.

Самым существенным для России является вопрос, как ей поступать в сложившейся ситуации? Каким образом, не потеряв ничего ценного в отношениях с Китаем, сделать так, чтобы наши отношения с США и КНР были чуть-чуть лучше, чем отношения между ними. Задача эта архитрудная, но выполнимая. Если пока маловато сил, нужно искать новые свежие идеи, без которых не будет вообще никакой российской внешней политики. Они могут обнаружиться.

Так, еще до начала торговой войны мимо внимания большинства наблюдателей прошла готовность Трампа, по его словам, пойти на экономические уступки Китаю в случае уступок с его стороны в корейском вопросе, подразумевая, очевидно, не только ядерное разоружение, но и окончательное воссоединение Кореи. Можно помогать ему в этом, заручившись в обмен на согласие КНР согласием со стороны Трампа на воссоединение Китая и Тайваня. Несмотря на кажущуюся фантастичность такой комбинации, в перспективе она стабилизирует обстановку в Восточной Азии, и довольными в итоге окажутся все стороны «треугольника». В политике нет ничего нереального. Кто бы мог подумать в 1966 году, когда в Китае разворачивалась «культурная революция» с ее яркими антиимпериалистическими лозунгами, что через пять с небольшим лет в Пекине Мао Цзэдун и Р. Никсон договорятся о прекращении вражды и восстановлении двусторонних отношений?

Ю.М. Галенович

Американский фактор в российско-китайских отношениях

Когда речь идет о российско-китайских отношениях, для России главным является обеспечение собственных интересов, особенно при нынешнем состоянии отношений между Америкой и Китаем. Это тем более необходимо, учитывая активный, наступательный характер осуществления в настоящее время руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии. Это проявляется, в частности, и в том, что власти в Пекине все чаще публикуют интервью в «Жэньминь жибао» и на центральном телевидении с теми из нашей страны, кто превозносит достижения и проекты руководителей КПК-КНР.

Тем, кто занимается изучением проблем, связанных с Китаем, приходится реагировать на действия Пекина и работать в условиях, когда утверждается, что отношения России и Китая в настоящее время находятся в наилучшем состоянии за всю их историю.

Необходимо учитывать также политику США в отношении России и Китая. Прежде всего, заявления руководителей США о том, что именно со стороны России и Китая исходит главная угроза для США. Очевидно, что в наших интересах использовать определенные моменты, связанные с нынешним состоянием американо-китайских отношений.

Мы живем во времена, когда без учета фактора и политики Америки невозможно говорить об отношениях России и Китая, о политике Китая в отношении России и о политике России в отношении Китая. Здесь необходимо вспомнить о том, что Россия и Америка никогда не вели между собой войн на территории друг друга. Америка и Ки-

тай тоже никогда не вели между собой войн на территории друг друга. В то же время Мао Цзэдун несет ответственность за подготовку и начало пограничной войны против нашего народа и нашей страны в 1969 году.

Исторически первые связи КНР и США были установлены в конце 1960-х годов на основе «общего понимания» Мао и Никсона, заключавшегося в том, что СССР (Россия) — это якобы агрессор, что со стороны СССР существует угроза войны для Китая и для США. Дипломатические отношения между КНР и США были установлены в 1979 г. и сопровождались главной мыслью, которую Дэн Сяопин довел тогда до президента США Джеймса Картера: КНР заранее уведомляет США о том, что будет совершено военное нападение на Вьетнам как на «союзника» СССР.

В свое время Мао Цзэдун призывал создать всемирный единый фронт борьбы против нашего народа и нашей страны в составе Китая, Америки, Японии, государств Европы, мусульманских стран. Дэн Сяопин после смерти Мао Цзэдуна повторил этот призыв Мао Цзэдуна.

В последние несколько лет в отношениях Америки и Китая возникли новые обстоятельства. Америка как бы «очнулась» и пересматривает свой прежний взгляд на Китай. Начинает понимать, что Китай всегда относился к Америке как к сопернику, и начинает реагировать на это. Появляется и понимание того, что в мире главной проблемой становится глобальное противостояние между США и КНР. Противостояние происходит на всех «полях», в том числе и на «поле России». Америка и Китай проводят в отношении России политику в расчете воздействовать на нее.

И в КНР, и в США внимательно изучают политику России в отношении этих двух стран и делают свои выводы. Как себя вести России, исходя из интересов нашего народа и нашей страны?

Прежде всего, очевидно, проводить полностью независимую и самостоятельную политику. Не «склоняться» ни в одну, ни в другую сторону. При этом важно иметь в виду, что в отношениях России и Китая есть факторы, которых нет в отношениях России и Америки. Это — вопрос о границе, о неравноправных договорах, договоре о режиме границы, об оценке исторического прошлого, особенно относительно подготовленного и осуществленного по воле Мао Цзэдуна нападения на нас на границе в 1969 г. Это и вопрос об оценке властями КПК-КНР политики «царской и советской России» в отношении Китая, вопрос о «старых и новых царях». Сюда включается фактор войны, фактор «долга крови». С Америкой у Китая такого нет. Следовательно, нам необходимы настойчивость и терпение для защиты наших интересов, готовность обсуждать и решать все вопросы, не боясь касаться проблем.

Америка должна оставаться «внешним фактором» для нашей стороны, когда речь идет об отношениях России и Китая. Наша политика должна быть такой, чтобы американцы понимали, что Россия не выступает на стороне Китая. В то же время китайцы должны понимать, что Россия не выступает на стороне Америки.

Россия должна исходить из стремления налаживать отношения, как с Китаем, так и с Америкой. При этом важно основываться на трех принципах: вечный мир, абсолютная независимость и полное равноправие. Соблюдать эти принципы целесообразно и нам, и Америке, и Китаю. Такова цель. Именно это может поставить в правильное положение американский фактор в наших отношениях с Китаем.

А.О. Виноградов

Российско-китайские отношения в контексте взаимоотношений КНР с европейскими странами

В результате продолжающегося кризиса Европа стремительно теряет остатки субъектности в мировой политике и превращается из субъекта в объект.

Кризис Европы был замечен мыслителями еще 100 лет назад. Этот процесс усложнился после окончания второй мировой войны, когда Европа стала зависимой и в экономическом, и в военном отношении (Западная — от США, Восточная — от Советского Союза). Европу, по сути, разделили на части, на сферы влияния. При этом некоторые крупные страны, такие как Германия и Польша, вообще потеряли суверенитет, на их территории были расположены иностранные войска.

После добровольного ухода СССР с международной арены Европа сделала лихорадочную попытку объединиться и вновь стать одним из центров мировой политики, создав Европейский Союз и включив в него страны Центральной и Восточной Европы. Однако это не решило проблем, а лишь усугубило их. Произошло «расширение НАТО на восток», и новые члены ЕС стали проводниками влияния США.

Ситуация еще более ухудшилась с началом процесса «брэкзита» и торговых войн. «Брэкзит» еще раз показал неспособность Брюсселя контролировать национальные правительства и неумение европейской бюрократии договариваться и учитывать ситуацию в конкретных странах. И независимо от его итогов серьезно пострадают и сама Британия, и ЕС в целом. Причем не только в том, что касается имиджа, но и в том, что касается финансовых рычагов и веса в ВТО, МВФ и других структурах. Торговые войны показали, что США не собираются даже минимально учитывать интересы европейских союзников.

Ко всему этому добавляется миграционный кризис, который привел к нарастанию противоречий между основной страной ЕС — Германией — и другими членами, прежде всего странами Южной Европы, с одной стороны, и Восточной (так называемая Вышеградская группа — Польша, Венгрия, Чехия и Словакия), с другой. Попытки прижать эти страны, в том числе ограничить их экономическое сотрудничество с Китаем, наталкиваются на жесткое противодействие и неподчинение.

Таким образом, все большее число стран начинают строить свои отношения с Китаем без оглядки на Брюссель. Греция, Венгрия, Польша, Чехия, Испания, Сербия, Черногория — это страны, которые находятся в серьезной зависимости от КНР и лоббируют в Европе интересы Китая. В конце 2018 г. к ним прибавилась Португалия — Си Цзиньпин заезжал в эту страну в декабре, на пути с саммита в Аргентине, и подписал меморандум о взаимопонимании, который, по мнению китайцев, может послужить образцом для остальных.

С этого года к ним присоединилась Италия. В ходе недавней поездки Си Цзиньпина (март 2019) она подписала с Китаем порядка 30 соглашений на инвестиции в итальянские порты в рамках ОПОП на 2,5 млрд евро. Это вызвало резкую критику со стороны Германии, призвавшей Брюссель блокировать эти сделки. Франция также высказала обеспокоенность, но в ответ получила подписание контрактов на закупку 300 самолетов «Аэрбас» (чего добивалась с начала прошлого года) и замороженных цыплят в общей сумме на 40 млрд евро. А канцлер ФРГ Ангела Меркель и председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер прилетели в Париж специально для встречи с Си, не дожидаясь запланированного на 9 апреля саммита КНР — ЕС.

Серьезную головную боль европейцам доставляет, разумеется, Украина. Участие ведущих стран ЕС в осуществлении на Украине американского сценария дополнительно поставило их в зависимость от заокеанского партнера и серьезно ухудшило ситуацию с поставками в Европу нефти и газа из России.

Расширение НАТО на восток привело не только к росту угроз безопасности РФ, но и к угрозам безопасности всех стран, которых коснулось расширение — от Прибалтики до Болгарии. При этом военный и ядерный зонтик перестал быть бесплатным — торгуя по поводу того, сколько платить, продолжается, но платить, очевидно, придется.

В целом можно сказать, что европейцы попались на миф о «золотом миллиарде», который был в моде некоторое время назад. Они были убеждены, что уж они в этот «зо-

лотой миллиард» войдут точно. Оказалось, что в условиях кризиса существующей модели мировой экономики Европа войдет в этот «золотой миллиард» только небольшой частью своей элиты. И то в том случае, если она будет выполнять чужую волю. Результат осознания этого факта — всплеск популизма и радикализма, появление «новых правых» и националистов, рост их популярности в ведущих европейских странах.

На этом фоне продолжается рост китайских инвестиций в страны Европы и проникновение китайского капитала в различные сферы европейской экономики. Этому способствуют серьезные ограничения, которые ввели в последние два года США и Австралия. В результате инвестиции Китая в Европу превысили инвестиции в США и Канаду почти в 10 раз (за первую половину 2018 г. — 20 млрд долларов против 2,5 млрд долларов, завершённые сделки — 12 млрд против 2 млрд). При этом основные инвестиции идут в те страны, которые проводят благоприятную для Китая политику и не выполняют требования Европейской комиссии — Великобританию, Венгрию, Грецию, Польшу.

Существенно изменились основные направления инвестиций — теперь это недвижимость, финансовые услуги, туризм, индустрия моды, индустрия развлечений и здравоохранение, а не производство товаров.

Такова общая ситуация с положением Европы в мировом геополитическом противостоянии США и Китая. И при этом именно ЕС по-прежнему является основным торгово-экономическим партнером России. Несмотря на санкции, «поворот» на Восток и утверждения, что таковым является Китай — торговля РФ с КНР уступает торговле России со странами ЕС примерно в три раза (без учета транзита через Белоруссию). Еще хуже соотношение по части инвестиций, как накопленных, так и текущих — за последний год инвестиции только со стороны германского капитала в РФ выросли и составили 3 млрд евро, в то время как инвестиции из Китая по большей части остаются на бумаге (если не считать крупных проектов, находящихся под патронажем глав государств).

Е.И.Сафронова

Новые моменты и вызовы в отношениях КНР со странами развивающегося мира

В последние два-три года так называемая лозунговая дипломатия Пекина показала свою способность к модернизации в отношениях КНР с развивающимся миром (далее — РМ). Так, концепция «сообщества единой судьбы», сформулированная КНР в 2013 г., в исполнении для развивающегося мира предстала как симбиоз испытанного десятилетиями тезиса об общности исторических судеб и текущих задач Китая и развивающихся стран, с одной стороны, и нового лозунга о созвучии китайской мечты с «мечтами дружественных государств», с другой. Похоже, что с самого начала «адресатом» концепции «сообщества единой судьбы» КНР избрала развивающийся мир в силу его политической и экономической податливости. Но, выдвигая новые концепции, Пекин столкнулся и с новыми вызовами: лозунг о совпадении «китайской мечты» с «мечтами» развивающихся стран не всегда находит понимание. Пекин предпочитает работать с правящими властями и элитами РМ, а рядовое население несет основное бремя реализации амбициозного сотрудничества, мало что имея «для себя» (Камбоджа, Мьянма, Габон, Камерун и др.). Это способно составить проблему внешней политики и пропаганды КНР на длительную перспективу.

В практическом плане развивающийся мир недавно принял на себя роль «колыбели» китайских военных баз и опорных пунктов. Так, начал функционировать «пункт материально-технического обеспечения» (ПМТО) ВМС Китая в Джибути, задуманный и как механизм силовой защиты проекта ОПОП, и как площадка антитеррористической активности вдоль восточного побережья Африки. Это первая военная база КНР за рубежом.

Однако создание ПМТО в Джибути породило новые вопросы: в Африке полагают, что строительство этой военной базы — «неудачная попытка» Китая подражать «жесткой силе» западных держав и «шаг в неправильном направлении».

Подозрения в «неоколониалистских» устремлениях Китая стали подкрепляться сетованиями на проведение им политики «долговой ловушки». Так, в 2018 г. Китай пообещал Африке новые 60 млрд долл. кредитов, что обострило дискуссию о том, зачем КНР финансировать страны, неспособные погасить долги: возможно, это попытка заключить РМ в «долговую ловушку», дабы потом получить собственность или доступ к природной ренте.

Вспоминается передача стратегического порта Хамбантота в Шри-Ланке в аренду китайской компании на 99 лет в обмен на уменьшение долга страны. Высказывается мысль (правда, оспариваемая Пекином и Коломбо), что порт впоследствии может быть использован под создание военной базы для слежения за активностью Индии. Аналогичные передачи Китаю активов или сдача в залог объектов имели место в Кении и в Камеруне.

Вместе с тем налицо спад фактической (не декларативной) инвестиционной активности Китая из-за кризисных явлений в глобальной экономике и в экономиках развивающихся стран. Так, в ряде стран Африки и в Венесуэле обостряется проблема с погашением задолженности и получением новых кредитов от Китая в связи с внутренним экономическим и политическим кризисом. При этом практикуемая Китаем модель хозяйственных связей с РМ — «займы в обмен на природные ресурсы» — начинает давать ощутимые сбои. Эта модель, похоже, эффективна только в условиях политической и финансовой стабильности и подвержена немалым рискам, если «что-то пошло не так». И Венесуэла — яркий тому пример.

Новый момент и в том, что если ныне КНР хочет добиться признания своего лидерства не только в РМ (здесь это уже произошло), но и на глобальном уровне, то ситуация вокруг Венесуэлы как раз и представляет Китаю возможность «обкатать» новую линию поведения воистину мирового «игрока». В РМ от Китая начинают ждать не просто заявлений в поддержку развивающихся стран, но ощутимого рвения за его интересы согласно многочисленным заявлениям Пекина о том, что КНР — друг развивающегося мира и всегда будет выступать в их защиту. РМ ожидает «повышения статуса» КНР с политико-декларативного и экономического лидера развивающихся стран до статуса их активного заступника, а не продуцента лозунгов и дружественных заверений.

Новый деликатный момент в отношениях Китая с РМ сопряжен с приходом к власти в ряде важных стран консервативных и правых сил (Аргентина, Бразилия, Чили, Эквадор и др.). Так, президент Бразилии Ж. Болсонару заявил о своей поддержке США по многим мировым и региональным вопросам, включая венесуэльский. Хотя Китай и является ключевым торговым партнером Бразилии, однако появляются реальные опасения за судьбу БРИКС в случае, если президент Болсонару захочет либо «оптимизировать» участие его страны в БРИКС, либо вообще покинуть эту структуру. Тогда этому проекту будет нанесен немалый урон, что не может не сказаться на авторитете всех стран-учредителей.

Еще одно новое обстоятельство в контактах КНР с развивающимся миром — нарастающая нестабильность в ряде его регионов, чреватая не только серьезными политико-экономическими, но и гуманитарными последствиями. В одной только Венесуэле насчитывается до 400 тыс. иммигрантов из КНР (в дополнение к уже существовавшей там китайской диаспоре в 130 тыс. человек). И, похоже, именно сейчас для Китая встает во весь рост сложнейшая задача защиты его граждан и объектов собственности в развивающемся мире. Этого же требуют и интересы ОПОП. Трудность здесь в том, чтобы найти

пути урегулирования, не скатываясь в соблазн проведения «гуманитарной интервенции». Иначе десятилетиями нарабатываемый авторитет Китая в РМ будет подорван.

С.В. Уянаев

Инициатива «Пояс и путь» и российско-китайское «сопряжение» в Евразии

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) вскоре после ее оглашения предстала как системная программа, которая за счет внешнеэкономических (прежде всего мощных инвестиционных), а также внешнеполитических механизмов призвана обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье и в то же время решить ряд структурных проблем развития экономики КНР, тем самым решительно подкрепив общий поступательный алгоритм внутреннего и международного развития Китая. ИПП была вписана в базовые установки КНР — о мечте великого возрождения нации и «сообществе единой судьбы человечества». В их реализации ИПП отводится роль «созидательной платформы».

Один из очевидных импульсов ИПП — это диспропорции, возникшие как побочное следствие стремительного развития КНР, в том числе переизбыток товаров и производств. Для купирования данных проблем выдвинуты системная перестройка экономики с опорой на качество и рост внутреннего потребления, а также концепция «широкого выхода вовне». Свою роль, несомненно, играет и задача доступа на сырьевые, углеводородные рынки.

К концу 2018 г. в реализации ИПП по пяти ее главным направлениям достигнуты следующие результаты.

В части «Политических согласований» к концу сентября 2018 г. Китай подписал со 105 странами вдоль «Одного пояса, одного пути» и с 29 международными организациями 149 межправительственных документов по ИПП.

По направлению «Торговля» совокупный торговый оборот Китая со странами «Пояса и пути» за пять лет превысил 5 трлн долл., причем темпы его роста были на 4% выше динамики внешнеторгового оборота КНР в целом. Для 25 стран Китай стал самым крупным торговым партнером, подписал или вывел на более высокий уровень пять соглашений о ЗСТ.

В рамках направления «Взаимосвязанность инфраструктуры, производства и транспорта» создано 82 торгово-экономические зоны и около 4 тыс. предприятий, обеспечено около 250 тыс. рабочих мест. По новому евразийскому континентальному мосту (НЕКП) совершено порядка 13000 рейсов контейнерных поездов; железнодорожная сеть в рамках НЕКП связала почти 50 китайских мегаполисов с таким же числом городов в 15 странах Европы.

В сфере «Свободы капиталов» прямые инвестиции Китая в страны ИПП превысили 70 млрд долл., ежегодный рост — 7,2%. Стоимость планируемых контрактов — 500 млрд долл.

В области «Гуманитарных связей» КНР развивает, в частности, связи в сфере образования, пригласив свыше 300 тыс. студентов из стран ИПП.

Подход РФ к китайской концепции определяется совместным Заявлением о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП от 8 мая 2015 г., в известной степени, компромиссным документом, который обозначил главное — не отчуждение, а поиск вариантов взаимовыгодной кооперации. Истекшие годы в целом подтвердили сделанные тогда прогнозы, которые сводились к узловому тезису о том, что сопряжение чревато для России как шансами, так и определенными вызовами. В части шансов и возможностей можно по-прежнему говорить о двух основных сферах сотрудничества — инвестиционной в виде привлечения китайских капиталов в совместные инфраструктурные проекты, а также транспортно-коммуникационной, где у РФ есть надежды на плюсы в качестве страны — транзитера в рамках НЕКМ.

Пока все эти шансы продолжают носить главным образом потенциальный характер. Прорывов в крупных проектах, особенно тех, которые бы генерировались непосредственно «шелковым сопряжением», практически не видно, если не подводить под его «крышу» известные двусторонние предприятия вроде Ямал СПГ. Белым пятном остается и давняя тема привлечения китайских капиталов на Дальний Восток.

Оптимистичней видится картина «включения» РФ в постепенное формирование НЕКМ, в основном применительно к Транссибу западнее Урала. Однако становится все более туманной судьба ВСМ Москва — Казань. Иными словами, шансы остаются, но есть и вопросы по их реализации.

Сохраняют значение и ранее спрогнозированные вызовы. Один из основных — вопрос противоречий в целевых установках между ИПП, ратующей за максимум торговых свобод, и ЕАЭС, нацеленного на защиту рынков стран-участниц. Пока данный вызов не имеет критических проявлений, но он не способствует реальной и плодотворной работе. Торговое соглашение ЕАЭС-КНР, подписанное в 2018 г. в Астане, — шаг в верном направлении. Но в контексте реального сопряжения он носит пока начальный характер.

Другой известный вызов — снижение интереса перевозчиков к сибирскому и дальневосточному участкам Транссиба, поскольку развивающийся мост «Китай — Европа» через Казахстан для Китая более выгоден. Теоретически не снят и вопрос о прохождении данного моста полностью в обход РФ (через Центральную Азию — Турцию). Правда, отмечен рост грузопотока с северо-востока КНР, что потенциально сохраняет для КНР интерес к дальневосточным портам РФ, а значит и надежды на совместную модернизацию восточного участка Транссиба и региональных железнодорожных сетей в целом.

На вопрос «сопряжения» во многом проецируются известные проблемы двустороннего формата. Например, по словам академика С.Г. Глазьева, в РФ отсутствует механизм кредитования совместных проектов. Не способствует сотрудничеству РФ и КНР и растущий дисбаланс в объемах экономик. Но все эти вызовы не отменяют необходимости адаптации к китайскому мега-проекту, поскольку очевидно, что КНР вряд ли от него откажется. Задачей РФ является оптимальное использование шансов, предельная минимизации рисков и потерь при общем понимании важности (особенно в нынешнем международном контексте) углубления всеобъемлющего партнерства с Китаем.

В.Е. Петровский

Большое евразийское партнерство как важное направление повестки двусторонних отношений

Предложенная российским президентом Владимиром Путиным идея Большого евразийского партнерства (БЕП) призвана гармонизировать различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды.

Опираясь на представление В.В. Путина о БЕП как о потенциальном широком интеграционном контуре в Евразии, мы можем представить Большое евразийское партнерство как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения процессов евразийской экономической интеграции и предложенной Китаем инициативы «Пояса и Пути» (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Первый контур — концептуализация БЕП и перспективы его формирования в контексте российско-китайского стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия, которые рассматриваются на фоне интеграционных процессов в АТР. Последние, в свою очередь, связаны с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли, включая Азиатско-тихоокеанскую зону свободной торговли (АТЗСТ), всеобъемлющее региональное экономиче-

ское партнерство (ВРЭП), а также продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Второй контур содержит основной компонент создания БЕП, связанный с процессом сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской ИПП. Последняя является одним из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей реализации она коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

ИПП и, в частности, ее сухопутная часть, «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) — комплексная инициатива и мега-проект нового типа. Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) — ЕАЭС. ШОС при энергичном развитии может стать центральным институтом создания сообщества Большой Евразии. Развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого евразийского сообщества.

Третий контур формирования БЕП — процессы развития приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии (СВА). Ускоренное освоение и развитие российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири имеет принципиальное значение для реализации экономической стратегии России, модернизации российской экономики, придания ей инновационного характера и интеграции в экономическое пространство АТР. Решение этих задач требует значительного усиления взаимодействия России со странами АТР, прежде всего с Китаем и его северо-восточными провинциями (что, впрочем, не принижает интереса России к развитию всестороннего приграничного сотрудничества с другими странами региона — Японией, КНДР и Республикой Корея).

Контур трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР — необходимое условие и предпосылка для формирования остальных контуров интеграции и сотрудничества в рамках БЕП. Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ИПП находится в прямой зависимости от их безопасности.

Как представляется, гарантии безопасности такого рода могут быть обеспечены лишь сотрудничеством и координацией политики КНР и РФ, в том числе, в рамках ШОС. Они создадут предпосылки для устойчивого и беспрепятственного процесса реализации инициативы ЭПШП и ее сопряжения с процессами Евразийской экономической интеграции.

С.Л. Сазонов

Проблемы и перспективы инфраструктурной интеграции РФ и КНР в рамках концепции «ОПОП»

Первостепенное значение в обеспечении транзитных перевозок по континентальному сухопутному маршруту КНР — Европа через территорию РФ имеет функционирование Транссибирской магистрали (ТСМ). Сегодня транспортировка груза по ТСМ осуществляется в 2,5–3 раза быстрее в сравнении с морским маршрутом, но при этом перевозка по ТСМ сегодня вдвое-втрое дороже морского фрахта. Так, цена перевозки 20-футового контейнера составляет 5–6 тыс. долл. по сравнению с примерно 2 тыс. долл. при морском варианте транспортировки. Такой уровень стоимости транспортировки делает потенциально сложным использование западного полигона Транссиба не только для перевозки в Россию китайских товаров, но и для обслуживания транзитного грузопотока из Китая и стран АТР в Европу. Чрезмерно высокие тарифы ОАО «РЖД» создают китайским отправителям и грузоперевозчикам много проблем, поскольку для получения минимальной прибыли приходится «собирать» по всем провинциям страны и комплектовать

на транзитных складах небольшие партии и небольших по объемам грузов с высокой добавленной стоимостью для последующего формирования полностью заполненного железнодорожного состава, направляющегося в европейские страны.

В свою очередь европейским экспортным компаниям приходится выбирать такие виды грузов для отправки в КНР и страны АТР через территорию РФ, которые имеют значительную себестоимость и небольшой габарит, чтобы обеспечить достаточную прибыль при транспортировке с учетом чрезмерных тарифов ОАО «РЖД». Эта проблема приводит к тому, что при транзитных перевозках через территорию РФ большинство составов из стран ЕС в восточном направлении идут либо недогруженными, либо следуют порожняком для возврата китайским владельцам. Китайские специалисты в области железнодорожных перевозок отмечают, что маятниковые евразийские железнодорожные маршруты на практике зачастую превращаются в поездки с обратным холостым пробегом — в 2018 г. лишь около 40% поездов из Европы были заполнены товарами.

Ежегодный объем товарооборота Северо-Восточного Китая со странами АТР превышает 15 млн т грузов при тенденции его дальнейшего роста, а объем транзита через территорию Приморского края РФ составляет менее 1%. Однако экспортный поток северо-восточных провинций КНР, из которых только Ляонин имеет выход к морю через свои порты (Далянь, Цзиньчжоу, Инкоу), осуществляется в основном через крайне загруженную железнодорожную магистраль Харбин — Чанчунь — Шэньян — Далянь протяженностью свыше 800 км (что значительно увеличивает себестоимость перевозимой продукции) с последующей отправкой экспортных грузов через порт Далянь или еще более отдаленный порт Тяньцзинь (расстояние более 1 тыс. км). Перевозка основной номенклатуры сельскохозяйственных и промышленных товаров провинций северо-восточного Китая в центральные и южные регионы КНР по железным дорогам также представляет серьезную проблему вследствие наличия больших объемов грузов, предъявляемых к транспортировке по железным дорогам другими провинциями КНР — в 2018 г. из-за лимитирующих ограничений железнодорожной сети Китая провинции Северо-Востока страны не смогли обеспечить вывоз более 130 млн т грузов.

Поэтому основную выгоду от инициативы создания ОПОП Россия может извлечь из совместного с китайской стороной освоения проектов развития международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», через которые по восточному полигону Транссиба осуществляется перевозка товаров и грузов северо-восточных провинций КНР до морских портов Приморского края для последующей их транспортировки в южные порты Китая или страны АТР. МТК «Приморье-1» через КПП Забайкальск — Маньчжоули, Гродеково — Суифэньхэ связывает Хэйлунцзян с портами Владивосток, Находка и Советская Гавань, а МТК «Приморье-2» через КПП Махалино — Хунчунь позволяет вывезти грузы из провинции Цзилинь через российские южные порты Приморского края — Зарубино, Славянка, Посьет.

Потенциальный объем грузовой базы этих двух российских международных транспортных коридоров очень значителен. К 2030 г. общий объем грузопотока из провинций СВК по этим МТК может превысить 55 млн т (из которых только по МТК «Приморье-2» может составить 35 млн т грузов и около 2 млн контейнеров). Одновременно расширится объем экспорта российских компаний в провинции Северо-Востока КНР. В перспективе возможно привлечь также транзитный поток грузов через российскую территорию из стран ЮВА, Республики Корея и Японии. Снижение стоимости транспортировки 1 т груза из северо-восточных провинций КНР по маршрутам МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» составит 20 долл. (автомобильным транспортом) и 10 долл. (железными дорогами), что позволит ежегодно сокращать общий объем логистических расходов на 0,5 млрд долл. С 2030 г. ежегодный объем прибыли стивидорных, портовых и логистиче-

ских компаний может превысить 90 млрд руб. (автомобильных и железнодорожных перевозчиков — 50 млрд руб., портовых компаний — 40 млрд руб.).

Расчеты, основанные на существующих ставках морского фрахта и автомобильных/железнодорожных тарифах, свидетельствуют, что капиталовложения в модернизацию и развитие инфраструктуры МТК смогут окупиться через 10 лет (при средней доходности 10% годовых), а основную выгоду будут приобретать транспортные компании Приморского края РФ, чья доля в общем объеме прибыли может превысить 75%. Кроме того, в 2030 г. перевозчики Приморского края смогут аккумулировать до 10% общего объема грузопотока между провинциями СВК и центральными/южными регионами КНР (до 40 млн т), а деятельность российских транспортных, логистических, стивидорных компаний приведет к росту ВРП Приморского края на 30 млрд руб. и позволит к 2030 г. обеспечить увеличение налоговой базы ДФО РФ на 5,5 млрд руб.

А.Ч. Мокрецкий

Позиции сторон по важным международным проблемам и положению в «горячих точках»

Лидеры России и Китая неоднократно заявляли о приверженности всеобъемлющему стратегическому взаимодействию и доверительному партнерству в двусторонних отношениях. Позиции двух стран по многим ключевым международным вопросам, согласно официальной версии, совпадают или близки, в документах звучит и следующая формулировка: «стороны едины во мнении». Действительно, между двумя государствами наблюдается общность целей: а) развитие и модернизация; б) совпадение подходов к обеспечению глобальной и двусторонней безопасности, территориальной целостности и суверенитета каждой из стран; в) приверженность международному праву и Уставу ООН.

Достаточно посмотреть на совместные заявления и декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики за последние шесть лет, чтобы убедиться в том, насколько широка международная и региональная двусторонняя повестка. В документах подчеркивается, что стороны достигли консенсуса по широкому спектру проблем и вопросов. Сложившийся формальный характер российско-китайских отношений является для двух стран надежным тылом в сложных современных международных реалиях. Тем не менее, практика показывает, что чем ярче демонстрируется «наилучший период в истории», тем больше противоречий на самом деле проявляется.

На наш взгляд, имеет смысл обратить внимание на используемую в совместных заявлениях лидеров России и Китая лексику. Все чаще в текстах встречается китайская терминология: «Россия и Китай, основываясь на историческом опыте и практике строительства отношений нового типа между крупными странами», «продвигать международные отношения нового типа», «ШОС — яркий пример межгосударственных отношений нового типа», «двойное замораживание» и «параллельное продвижение» (если речь идет о ситуации на Корейском полуострове), «построение сообщества единой судьбы человечества», «способствовать формированию более справедливого и рационального полицентричного миропорядка» и т.д.

Говоря об общих подходах и разночтениях/разногласиях в позициях России и Китая по «горячим точкам», стоит, прежде всего, обратить внимание на динамику голосования в Совете Безопасности ООН. С 11 мая 1993 г. по 28 февраля 2019 г. право вето использовалось 41 раз, в том числе РФ — 23 раза, США — 16 раз, КНР — 11 раз. При этом стоит отметить, что Китай всего дважды использовал это право самостоятельно: 10 января 1997 г. и 25 февраля 1999 г., остальные девять раз — совместно с Россией: 12 января 2007 г., 11 июля 2008 г., 4 октября 2011 г., 4 февраля и 19 июля 2012 г. и 22 мая 2014 г., 5 декабря 2016 г., 28 февраля 2017 г. и 28 февраля 2019 г. При этом самостоятельное использование права вето относится к концу 1990-х годов, а совместное — начиная с 2007 г. Таким образом, статистика применения права вето Китаем демонстрирует усиление координации.

Однако если посмотреть на статистику российского голосования, то картина получается несколько другая. 14 вето из 23 Москва применила самостоятельно (во всех этих случаях Пекин воздерживался). Это составляет приблизительно 61% от общего числа голосований. К ним относятся следующие резолюции: Кипр (2 раза: 11 мая 1993 г. и 21 апреля 2004 г.), Босния и Герцеговина (2 раза: 2 декабря 1994 г. и 8 июля 2015 г.), Грузия (15 июня 2009 г.), Украина (2 раза: 15 марта 2014 г. и 29 июля 2015 г.), Ближний Восток (7 раз: 8 октября 2016 г., 12 апреля 2017 г., 24 октября 2017 г., 16 ноября 2017 г., 17 ноября 2017 г., 26 февраля 2018 г. и 6 апреля 2018 г.).

События на Украине (с 2013 г.), а также проведение референдума и присоединение Крыма в состав РФ (2014 г.) можно назвать своеобразным водоразделом, который прямо или косвенно повлиял на динамику голосования двух государств в ООН. Несмотря на то, что «наилучший период в истории отношений» России и Китая предполагает совместную координацию и согласование позиций, динамика использования права вето показывает обратную картину. С одной стороны, общее количество совместного вето осталось прежним, с другой — заметно возросла доля «одионого» голосования России против невыгодных для нее резолюций. Формально совместная координация Москвы и Пекина сохраняется (КНР не голосует официально против проектов резолюций РФ, витиевато объясняя, что у вопроса есть своя история и пр.), но позиция Китая, которая выражается в максимальном неучастии, говорит об обратном.

В таких условиях необходимо поддерживать диалог со всеми заинтересованными акторами международных отношений, не склоняясь в одну сторону. Глубокий анализ «позитивных» и «негативных» факторов с учетом национальных интересов позволит России найти возможности для ускорения собственного развития, а сохранение равноправного диалога РФ со всеми сторонами будет являться гарантией безопасности, мира и процветания в целом мире.

К.В. Асмолов

Российско-китайское взаимодействие по проблемам Корейского полуострова

И Россия, и Китай категорически не заинтересованы в исчезновении КНДР с карты мира. Для них это будет означать целый комплекс проблем — от потоков беженцев до экологической обстановки, — отягощающих жизнь приграничных территорий и требующих большого количества сил и ресурсов на их решение. Кроме того, теряется важный политический и территориальный буфер, усиливается позиция США.

И Россия, и Китай хотели бы видеть Корейский полуостров зоной, свободной от напряженности и ядерного оружия (именно в такой последовательности). Желание Пхеньяна стать ядерной державой раздражает Москву и Пекин в основном, потому, что запускает порочный круг эскалации напряженности. Именно поэтому Москва и Пекин всегда выступают за разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова политико-дипломатическим путем, а во время шестисторонних переговоров пытались привести к компромиссу обе стороны.

Кроме того, в течение последних лет геополитическое соперничество между Вашингтоном — с одной стороны, Москвой и Пекином — с другой, существенно обострилось. И дело здесь не только и не столько в личности нового президента США.

Российско-северокорейские отношения отличаются от отношений КНР и КНДР, и Москву не стоит воспринимать как младшего партнера Пекина. В данном вопросе китайско-российский союз — не столько союз друзей, сколько объединение, связанное общей проблемой.

С одной стороны, по сравнению с Китаем наши возможности влиять на Север ограничены, а в рамках иерархии внешнеполитических приоритетов КНДР находится у России на третьем месте после Украины или Сирии. С другой стороны, из-за этого Москва не очень пытается навязывать КНДР свою повестку и учить ее жить, отчего отно-

шения двух стран можно назвать стабильно дружественными. Отношение к России и к русским в КНДР существенно отличается в лучшую сторону по сравнению с отношением к китайцам.

Теперь о том, как в Москве и Пекине видят текущее положение вещей. Ситуация нас более чем устраивает, поскольку де-факто соответствует российско-китайской концепции «двойной заморозки». В рамках таковой предполагалось, что КНДР объявит мораторий на ядерные испытания и ракетные пуски, а США воздержатся от действий, обостряющих региональную обстановку. При этом такой статус может длиться неограниченно долго, пока Пхеньян и Вашингтон декларируют курс на диалог, а не разрывают его. Полная денуклеаризация видится как желательная, но мало достижимая цель, однако процесс важнее результата, а направленность важнее скорости. Россия поддерживает данную тенденцию и в целом полагает, что усилия КНДР, которая уже пошла на некоторое количество необратимых действий, должны быть минимально вознаграждены, а текущий процесс переговоров не должен превратиться в односторонние уступки.

Логично, что на фоне усиления противостояния Москвы, Пекина и Вашингтона позиция двух стран будет сводиться к тому, чтобы, с одной стороны, продолжать поддерживать КНДР, а с другой — не дать диалогу угаснуть. Процесс может идти черепашьям шагом, в нем возможны «временные трудности», но пока этот диалог идет, текущий статус полуострова находится в режиме «двойной заморозки», что соответствует национальным интересам России и Китая.

Мы понимаем, что обе стороны приближаются к черте, когда лимит односторонних и необременительных уступок будет исчерпан. В такой ситуации диалог может быть либо разорван, либо искусственно растянут, и нас устраивает второй вариант.

Если говорить о конкретных действиях, то их можно разделить на несколько направлений.

Во-первых, Россия и Китай оказывают Северу политическую и экономическую поддержку, стараясь не выходить за допустимые рамки. КНДР нужна китайская и российская поддержка на случай, если США будут жестко требовать необратимых и односторонних уступок, ничего не давая взамен. При этом ни Москва, ни Пекин не собираются вовлекаться в защиту КНДР чрезмерно.

Во-вторых, Россия и Китай пытаются воздействовать на США с тем, чтобы «хорошее поведение КНДР» было вознаграждено ослаблением санкционного давления.

В-третьих, Москва и Пекин работают с Сеулом, поддерживая его в желании ослабить межкорейскую напряженность, хотя политика Сеула кажется двойственной. Во многом вследствие этого США, в свою очередь, разыгрывают северокорейскую карту в отношениях с Россией и Китаем, обвиняя их в нарушении санкционного режима.

В текущей внешнеполитической ситуации Россия и Китай могут считать положение дел на Корейском полуострове своей «малой победой», если сосредоточиться не на скорости процесса, а на его направленности. При неизменности трендов Республике Корея стоит позаботиться об усилении сотрудничества в этом направлении, чтобы курс на диалог и постепенное ослабление напряженности продолжались как можно дольше.

А.К. Криворотов

Политика Китая в Арктике: национальные и международные аспекты

По итогам событий последних двух лет можно констатировать завершение первого этапа арктической активности Китая, длившегося примерно с конца XX века.

Его основные задачи не были сформулированы в официальных документах. Но, судя по практическим действиям китайской стороны, такими задачами, вполне успешно решенными, стали:

– первичное накопление критического объема научной информации об Арктике;

- поэтапное встраивание Арктики в инициативу «Пояс и путь», которое шло параллельно с концептуальным оформлением самой этой инициативы;
- активная работа со всеми арктическими государствами для отыскания оптимальных «точек» китайского проникновения в Заполярье (такowymi в итоге стали Гренландия, Исландия, а затем также Россия и отчасти Финляндия);
- формальное признание интересов КНР в регионе через получение статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете (2013 г.).

Начало нового этапа было ознаменовано публикацией в январе 2018 г. Арктической политики Китая. Главное ее положение — недвусмысленно сформулированная заявка КНР, как «приарктического государства», на участие в управлении макрорегионом, причем в рамках общего активного позиционирования страны на мировой арене. Представляется обоснованным замечание А.Н. Пилясова, что «все действия Китая в Арктике, включая и новую официальную арктическую политику, нужно понимать в контексте его претензии на роль главного двигателя, главного сторонника, защитника и драйвера глобализации в современном мире, в том числе в Арктике». В то же время, по многим направлениям документ сформулирован весьма широко, оставляя за КНР свободу выбора содержательных, географических и отраслевых приоритетов. Очевидно, что проектам, желающим включиться в программу «Ледового шелкового пути», предстоит достаточно жесткая конкуренция и с другими регионами мира, и друг с другом по таким критериям, как инфраструктурная обеспеченность, политическая значимость и сроки окупаемости китайских инвестиций.

Период после принятия Арктической политики был насыщен активной практической работой, в которой выделяются новые моменты.

Во-первых, начата реализация арктических инвестиционных проектов в рамках «Пояса и пути». Прежде всего, безусловно, следует назвать российско-китайско-французский завод «Ямал СПГ», который был запущен в декабре 2017 г., а в ноябре 2018 г., на год раньше планового срока, вышел на максимальную мощность. Он имеет для России принципиальное значение как опыт масштабного сотрудничества с КНР и освоения Арктики на новых хозяйственных принципах, как инструмент для закрепления страны на мировом рынке сжиженного газа и ведущий источник формирования грузовой базы для Северного морского пути (СМП).

В то же время нельзя не отметить, что проект реализован в строгом соответствии с неписаным правилом «Пояса и пути» — широким участием китайской стороны в его уставном капитале (29,9%), финансировании (63%), поставке оборудования и закупках готовой продукции. Предприятия КНР, в частности, создали новое для страны производство теплообменников для установок сжижения газа (поставив 85% всех модулей), при этом возможность кооперации с российскими компаниями не рассматривалась. Кроме того, проект получил масштабные налоговые и иные льготы: освобождение от НДС и экспортных пошлин, право самостоятельно экспортировать 100% продукции, сооружение порта, портового ледокольного флота и аэропорта за счет бюджетных средств и др. Размер господдержки беспрецедентен для России, но теперь будет невольно восприниматься инвесторами как исходная база для сравнения с другими проектами.

Во-вторых, китайские научные и транспортные организации ведут интенсивную проработку арктических транзитных путей, оценивая маршруты через Россию на общих основаниях. Так, одновременно с транзитом по СМП (в ходе которого китайские суда, кстати, стремятся по минимуму заходить в российские порты) китайцы изучают перспективы судоходства по Северо-Западному проходу через Канадский Арктический архипелаг и по высокоширотному трансполярному маршруту. За прокладку волоконно-оптической линии связи между Европой и Восточной Азией конкурируют финский про-

ект (через Северную Норвегию и далее по трассе СМП) и американский (через арктическую Канаду, Аляску и Тихий океан).

С ноября 2017 г. запущен первый проект «Пояса и пути» в Северной Европе — регулярное железнодорожное сообщение из Сианя (КНР) через Казахстан и Центральную Россию в Коуволу (Финляндия). Далее грузы могут направляться по железной дороге как внутри Скандинавии, так и в норвежский незамерзающий заполярный порт Нарвик, связанный контейнерными линиями с США и Канадой. При этом весьма ограниченным остается китайский транзит по азиатскому «плечу» Транссибирской магистрали, что привело к торможению связанных с ним проектов высокоскоростной магистрали Москва — Казань и «Белкомур» с выходом на порт Архангельск. В-третьих, наблюдается кратное расширение масштабов научной деятельности КНР в Арктике. Еще пару лет назад у страны была лишь одна полярная станция на Шпицбергене и одно научно-исследовательское судно (НИС) ледового класса «Сюэлун», закупленное на Украине еще в 1990-х годах и раз в два года проводившее экспедиции в Ледовитом океане. К началу 2019 г. появились еще две станции — в Исландии и Гренландии и новое НИС «Сюэлун-2», построенное по финскому проекту на китайской верфи. Начиная с 2018 г. китайские арктические экспедиции проводятся ежегодно, причем объем открытой информации о них ограничен и имеет тенденцию к постепенному сокращению. Прикладную направленность этих НИОКР хорошо иллюстрирует китайский проект численного прогнозирования арктической природной среды и погоды на основе спутниковых данных, запущенный в декабре 2018 г. Официально было заявлено, что проект расширит участие КНР в управлении Арктикой и будет способствовать строительству «Полярного шелкового пути».

В-четвертых, значимым фактором развития общемировой Арктики стал китайский туризм. Он, как показывает опыт ряда стран, может служить для КНР эффективным средством регулятивно-распорядительной деятельности китайских властей, в том числе в Арктике.

В-пятых, международные условия реализации «Пояса и пути» осложняются. Массированный рост внешних инвестиций КНР (причем по жесткой модели, которая предусматривает всестороннее доминирование китайской стороны) наталкивается на растущее сопротивление как развивающихся стран-реципиентов, так и Запада. Достаточно вспомнить торговую войну, объявленную Китаю президентом США Д. Трампом, или крайне жесткий в отношении КНР документ, выпущенный 12 марта 2019 г. Европейской комиссией. Кроме того, в действиях американского политического и особенно военно-морского руководства проявилась новая, весьма неблагоприятная тенденция — стремление проецировать на Арктику глобальную стратегию сдерживания России и Китая. Причем США делают основной упор на внеэкономические рычаги. В отношении союзников по НАТО применяется прямой политический нажим в целях ограничить их сотрудничество с Китаем: характерные примеры — визит М. Помпео в Исландию в феврале 2019 г. или запрет на покупку китайской компанией бывшей (ныне закрытой) военно-морской базы в Гренландии, введенный властями Дании под давлением Вашингтона. В отношении же КНР и России военные круги США заявляют о готовности к активным операциям ВМС по защите свободы судоходства в Северном Ледовитом океане, причем только для государств — членов Арктического совета.

В этих условиях для эффективной реализации и защиты российских национальных интересов настоятельно необходимо выработать долгосрочное и достаточно детальное видение места и роли нашей страны в Арктике. Дискуссии последних лет о проектах Стратегии пространственного развития России (утверждена 13 февраля 2019 г.) и оставшегося непринятым Федерального закона о развитии Арктической зоны России наглядно

продемонстрировали несовместимость эффективной региональной и внешней политики с либеральной макроэкономическим курсом.

Наметившееся осложнение отношений Китай — ЕС создает для России как потенциальные проблемы, так и новые возможности (и не только в Арктике). С одной стороны, у КНР может несколько ослабнуть интерес к поиску новых торговых маршрутов в Европу, хотя практические потребности торговли всё равно будут требовать продолжения этой работы. С другой стороны, возможно некое смягчение китайских подходов, которое может быть полезно РФ при условии четкого осознания собственных российских интересов.

Н.С. Замараева

РФ и КНР на Ближнем Востоке и в Южной Азии (на примере реализации Китайско-пакистанского экономического коридора)

2018–2019 гг. выявили несколько характерных черт в реализации Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), являющегося флагманским проектом китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП):

- впервые заявленные пакистанской стороной разногласия между Исламабадом и Пекином по вопросам реализации проекта;
- географическое расширение ОПОП, подключение к проекту КПЭК региона Персидского залива (КСА и ОАЭ);
- обострение региональных проблем, тормозящих продвижение ОПОП (Афганистан, Индия, страны СААРК);
- противоречивый переговорный процесс по урегулированию ситуации в Афганистане;
- блокировка США и Индией китайской инициативы ОПОП;
- усиление напряженности между Индией и Пакистаном в феврале-марте 2019 г.;
- продвижение ОПОП на Азиатском континенте и одновременно разрушение механизма региональной интеграции на примере блокировки ранее достигнутых договоренностей (СААРК).

Итоги трехлетней реализации проекта КПЭК:

- приоритетное строительство города-порта Гвадар, который является точкой сопряжения сухопутной и морской составляющих инициативы ОПОП. Другие объекты, возводимые в рамках КПЭК, являются вспомогательными или второстепенными;
- по состоянию на январь 2019 г. только 9 млрд долл. из 46 млрд долл., согласованных Исламабадом и Пекином в 2015 г., освоены Пакистаном на строительстве объектов КПЭК.

Турбулентный период в пакистано-китайских отношениях стартовал в одночасье с приходом к власти премьер-министра Имран Хана и его партии «Движение за справедливость Пакистана» (ДСП) в августе 2018 г.

Неминуемо надвигающийся экономический кризис в стране отчасти был спровоцирован Китаем. Ряд положений подписанного в апреле 2015 г. премьер-министром Н. Шарифом и председателем КНР Си Цзиньпином соглашения уже тогда вызывал вопросы, например, непрозрачность финансовых схем оплаты проектов. Но пока в Пакистане открытая критика проекта остается под запретом.

Дополнительная напряженность в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г. была вызвана задержкой платежей китайским компаниям со стороны Пакистана (власти Пакистана должны бизнес-партнерам из КНР 6,017 млрд долл.).

В свою очередь Пакистан осенью 2018 г. высказал претензии Китаю в связи с отсутствием ранее обещанных социальных программ в рамках КПЭК, а также «кабальных», по мнению Исламабада, условий планируемого к подписанию Договора о свободной торговле (ДСТ). «Масла в огонь» добавило решение США в 2018 г. приос-

тановить оказание финансовой и военной помощи Исламабаду в рамках программы борьбы с терроризмом.

Новый премьер-министр Пакистана возлагал надежды на «всепогодного друга». Имран Хан старался заверить китайцев в том, что его страна — надежный экономический и стратегический партнер. Однако обе стороны приложили усилия, чтобы «погасить» слухи о финансовой обременительности проектов КПЭК для бюджета Пакистана. Этому есть объяснения.

Политический кризис в Пакистане в 2017–2018 г. укрепил позиции генералитета, который играет ведущую роль при решении важных экономических, внутривнутриполитических, внешнеполитических задач. Иными словами, в Пакистане с 2017 г. по настоящее время налицо гражданская модель развития под контролем военных. Поддержание добрососедских отношений с Китаем — часть стратегии государственной безопасности Пакистана. Визит начальника штаба сухопутных войск генерала К. Баджвы в Пекин в октябре 2018 г. урегулировал недоразумения и вновь подтвердил, что Китай является единственным стратегическим партнером Пакистана.

По итогам двух визитов высокопоставленных пакистанских чиновников правительство КНР отказало властям Пакистана в финансовой помощи на урегулирование валютного кризиса, но одновременно согласилось предоставить льготные кредиты на сумму 5,874 млрд долл. для строительства транспортной инфраструктуры. Экономическая и отчасти дипломатическая зависимость Пакистана от Китая подтолкнули Исламабад сделать заявление, что прибыли от инвестиций в пакистанскую экономику перевесят эти выплаты.

Непродолжительный кризис в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г. китайская сторона нивелировала также обещаниями инвестировать в социальные программы: образование, сельское хозяйство, борьбу с бедностью, здравоохранение и профессиональную подготовку молодежи.

Тем не менее, отказ Китая предоставить финансовую помощь или пересмотреть условия контрактов заставил Исламабад обратиться к другим адресатам: Международному валютному фонду (МВФ), Малайзии, Турции и богатым странам Персидского залива (Королевству Саудовская Аравия и Объединенным Арабским Эмиратам). По времени это совпало с планами Китая продвигать инициативу ОПОП далее, за пределы пакистанского Гвадара, через Ормузский пролив на другой континент, в страны Персидского залива, КСА и ОАЭ.

По итогам визита наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана в Китай 22 февраля 2019 г. КСА и КНР заявили о новой модели сотрудничества — «усилении синергизма стратегий развития и обеспечении интеграции интересов двух стран». На начальном этапе (2019–2025 гг.) это означает совмещение саудовской программы реформ «Видение 2030 г.» с китайской инициативой ОПОП.

Цель саудовского «Видения 2030 г.» — утвердить КСА в качестве мирового инвестиционного центра, учитывая мощные финансовые возможности королевства, которые направлены на стимулирование местной экономики и диверсификации доходов.

Пакистан, вернее его территория, в новом «персидском проекте» ОПОП рассматривается и Пекином, и Эр-Риядом как транспортная логистическая составляющая между Китаем и странами Аравийского полуострова, сухопутная континентальная база и одновременно старт морского пути (порт Гвадар) для сопряжения саудовской концепции «Видение 2030 г.» и китайской инициативы «Пояса и пути».

Наследный принц КСА по итогам визита в Пакистан в феврале 2019 г. предоставил Пакистану пакет финансовой помощи. Одновременно подписан ряд соглашений на сумму 20 млрд долл., большую часть которых планируется пустить на строительство

нефтеперерабатывающего комплекса в пакистанском Гвадаре для очистки сырой нефти, поставляемой из КСА, для дальнейшей транспортировки нефтепродуктов в Китай.

Строительство саудовского нефтеперерабатывающего завода в Гвадаре — это открытый вызов Ирану. Тегеран в ответ заявил, что не обеспокоен «конструктивным взаимодействием» какой-либо страны с Пакистаном, но Пакистан как ответственная страна обязан не допустить, чтобы «сотрудничество использовалось против другой страны».

Региональные проблемы, тормозящие продвижение ОПОП:

- длительный, часто бескомпромиссный переговорный процесс по урегулированию ситуации в Афганистане между США и движением «Талибан» отодвигает на неопределенное время старт центрально-азиатской части китайской инициативы ОПОП;

- Индия и США блокируют продвижение проекта КПЭК в регионе;

- китайская инициатива ОПОП разрушает согласованные в прежние годы торгово-экономические договоренности стран региона (СААРК, АСЕАН).

В.Е. Петровский

Российско-китайское сотрудничество в многосторонних форматах

Координация внешнеполитической деятельности РФ и КНР, включая согласование позиций в различных международных форматах и институтах глобального управления, является важным компонентом российско-китайских отношений стратегического партнерства и всеобъемлющего стратегического взаимодействия.

В данном контексте особенно важна координация деятельности России и Китая в рамках ООН. Наиболее успешным примером такой координации является согласованная позиция двух стран по вопросу о ситуации вокруг Корейского полуострова. Консолидированная позиция РФ и КНР по этому вопросу была отражена в «Совместном заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации и Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики по проблемам Корейского полуострова» от 4 июля 2017 г.

В этом документе стороны выдвинули совместную инициативу, основанную на предложенных китайской стороной идеях «двойного замораживания» (ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных учений США и Республики Корея) и «параллельного продвижения» к денуклеаризации Корейского полуострова и формированию на полуострове механизма мира, а также на российском поэтапном плане корейского урегулирования.

При этом необходимы дальнейшие консультации сторон по другим вопросам координации внешнеполитической деятельности в рамках ООН, таким как выработка согласованной позиции по вопросу о реформе ООН (включая реформу ее Совета Безопасности), а также согласование позиций по конкретным внешнеполитическим проблемам (кризис в Венесуэле, вопрос о сербско-косовском урегулировании на Балканах и пр.).

Важной темой двусторонней координации остается вопрос о перспективах развития и реформирования Всемирной торговой организации (ВТО), особенно на фоне усилий администрации Д. Трампа принизить ее значение в мировой торговле как «устаревшей», вплоть до полного разрушения ВТО. В данном контексте возрастает роль координации усилий КНР и РФ по обсуждению вопросов реформирования ВТО в рамках «большой двадцатки» (G20).

Координация усилий сторон в формате Восточноазиатского саммита (ВАС) могла бы сосредоточиться на вопросах торгово-экономической интеграции в АТР, а также на продвижении совместного российско-китайского предложения о создании новой системы региональной безопасности в АТР на основе внеблокового, сетевого подхода и инклюзивности.

Координация усилий России и Китая в рамках АТЭС могла бы быть направлена на укрепление потенциала организации по обсуждению широкого круга вопросов регио-

нальной экономической интеграции в противовес усилиям США ослабить и принизить значение АТЭС.

Сохраняет свою актуальность согласованная позиция сторон по реформе квот взносов и доли стран БРИКС в Совете директоров МФВ и Всемирного банка.

Особое значение имеет координация внешнеполитических подходов России и Китая в работе таких региональных и трансрегиональных организаций и платформ по диалогу, как формат «Россия — Индия — Китай» (РИК), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС.

В формате РИК Россия призвана играть роль медиатора по урегулированию спорных и конфликтных ситуаций в китайско-индийских отношениях. На КНР и РФ как основателях ШОС лежит особая ответственность за состояние и перспективы развития организации, особенно после присоединения к ШОС Индии и Пакистана. ШОС может сыграть конструктивную роль в нормализации индо-пакистанских отношений, а также предложить региональную альтернативу укреплению режима ядерного нераспространения, поскольку Индия и Пакистан были приняты в организацию в качестве «неофициальных» ядерных держав.

На России и Китае лежит особая ответственность по сохранению и укреплению диалогового формата БРИКС, особенно после того, как в 2019 г. страной-председателем БРИКС стала Бразилия. Ее новоизбранный президент Ж. Болсонару известен своей склонностью к праволиберальной политике и симпатиями к Дональду Трампу, что чревато потенциальной возможностью размывания или даже полного разрушения формата БРИКС.

В этой связи КНР и РФ могли бы предпринять дополнительные согласованные усилия по обеспечению преемственности повестки дня БРИКС на стратегическую перспективу (включая концепцию «БРИКС +» и др.), сформулированной в ходе китайского председательства в БРИКС в 2018 г.

Сотрудничество России и КНР в сфере безопасности стало в новейшей истории одним из основополагающих факторов, влияющих на выстраивание отношений между двумя государствами. Безопасность самого крупного континента планеты — Евразии обуславливает безопасность мирового сообщества в целом. Именно из Евразии наиболее удобно контролировать как указанные транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших региональных государств — Китая, Индии и России. Поэтому обеспечение безопасности в Евразии будет по-прежнему иметь существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности России и Китая.

Основные угрозы и вызовы стабильности и безопасности Евразии связаны с наличием практически во всех государствах региона значительных групп населения, проповедующих идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующих для достижения своих целей методы и инструментарий террористической борьбы. Причины распространения терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центральной и Южной Азии объясняются как объективными историческими условиями формирования государств региона, так и субъективными факторами, связанными с внутренней политикой в этих государствах, а также политикой, проводимой соседними государствами.

Российско-китайское взаимодействие в решении проблем обеспечения безопасности в Евразии, а также в борьбе с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, осуществляется, в основном, в рамках ШОС, в которой данные страны занимают лидирующее положение. При этом следует отметить, что с самого начала Россией и Китаем был заложен концептуальный фундамент такого взаимодействия, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая база.

Для эффективной и целенаправленной работы по данной проблеме в ШОС создана и активно работает Региональная антитеррористическая структура (далее — РАТС). На РАТС возложена задача содействовать национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям. В сфере деятельности РАТС находится также анализ текущего состояния, а также тенденций в распространении терроризма и экстремизма с одновременным сбором информации о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам.

А.Ю. Ефимов

Россия и Китай: проблемы экологической безопасности и борьбы с климатическими изменениями

Экологические проблемы Китая — не только внутреннее дело этой страны. На исходящее из Китая атмосферное и водное загрязнение жалуются соседние с КНР страны — Южная Корея, Япония, озабоченные судьбой Меконга страны ЮВА.

Предпринимаемые Китаем меры по охране окружающей среды, его стремление к низкоуглеродному развитию встречают позитивную реакцию со стороны мирового сообщества, ведь Китай — крупнейший в мире эмитент (почти 30%) парниковых газов. КНР — активный участник Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), ратифицировавший саму конвенцию, Киотский протокол и Парижское соглашение. Руководители КНР постоянно выступают за противодействие климатическим изменениям и координацию общемировых усилий.

Тема экологического благополучия и противодействия изменениям климата звучит и в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). На втором саммите ОПОП ожидается запуск Международной ассоциации зеленого развития ОПОП.

Экологическая ситуация в Китае в 2017–2018 гг. постепенно улучшалась. В 2018 г., по данным МЭОС, показатель среднегодовой плотности мелкодисперсных частиц PM_{2,5} в среднем по Китаю составил 39 мг/куб. м (снижение на 9,3%).

Но озабоченность экологов вызывает то, что в 2018 году власти Китая заметно смягчили подход к борьбе с атмосферным загрязнением и загрязнителями. Причины ясны — замедление экономического роста и необходимость поддержки национальных компаний. В 2017 и особенно в 2018 г. потребление угля вновь выросло (на 0,4% в 2017 г. и на 1% в 2018). Растут выбросы CO₂ — рост составил 2,5%.

Китай является одним из главных источников финансирования угольных электростанций за пределами КНР — зарубежные угольные электростанции совокупной мощностью в 102 ГВт (из общемирового объема в 399 ГВт) строятся за 36 млрд долл. из КНР.

Китай не отказывается и от двустороннего обсуждения актуальных экологических тем. На межправительственном уровне экология и охрана окружающей среды обсуждаются в рамках Подкомиссии по охране окружающей среды Российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. В ее структуре действуют три рабочих группы: по предотвращению загрязнения окружающей среды при ЧС экологического характера, по мониторингу качества вод трансграничных водных объектов, по вопросам сохранения биоразнообразия. В сентябре 2018 г. достигнута договоренность о сотрудничестве в обращении с отходами.

На уровне бизнеса и неправительственных организаций в рамках Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития в декабре 2014 г. создан Экологический совет. Его цель — содействие в установлении прямых контактов с деловыми организациями и экспертным сообществом, оказание информационно-аналитического сопровождения двусторонним проектам.

Россия, как и Китай, — участница РКИК, хотя Парижское соглашение нашей страной пока не ратифицировано (ожидается после 2019 г.).

Китайская сторона регулярно приглашает Россию присоединиться к экологическим программам китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Россия и Китай могут и должны обмениваться информацией о наилучших практиках в экологии, осуществлять совместное продвижение экологических ценностей. В рамках сопряжения инициатив ЕврАзЭС и ОПОП необходимо стимулирование «более зеленого поведения» в общем экономическом пространстве. Важным аспектом взаимодействия могло бы стать сотрудничество в экологических аспектах «пояса и пути», чтобы инфраструктурные и энергетические проекты ОПОП не подрывали международные усилия по противодействию климатическим изменениям.

А.В. Островский

РФ — КНР: торгово-экономическое сотрудничество

КНР стабильно является одним из ведущих торговых партнеров Российской Федерации. В 2018 г. объем их двусторонней торговли составил 107 млрд долл. Однако при этом Россия после сильного обвала рубля на валютном рынке с конца 2014 г. не входила даже в десятку ведущих партнеров Китая (11-е место по объему внешней торговли). По показателям объема двусторонней торговли с Китаем в 2018 г. Россия сопоставима с такой страной, как Бразилия — 110,9 млрд долл. и заметно отстает от лидеров двусторонней торговли — США, Японии, Гонконга, Республики Корея, Тайваня, Германии и Вьетнама.

Китай выглядит предпочтительным и оптимальным зарубежным партнером в решении Россией стратегической задачи подъема Сибири и Дальнего Востока. Ориентация на динамично развивающийся китайский рынок позволит сделать экономически эффективной разработку природных ресурсов этих территорий, которая требует крупных капиталовложений и длительных сроков. Кроме того, подъем Сибири и Дальнего Востока отвечает интересам Китая, поскольку способствует решению задачи возрождения старой промышленной базы в соседних с Россией северо-восточных провинциях страны и улучшению ресурсного обеспечения экономики КНР в целом. И, наконец, заметный рост торговли с Китаем косвенно будет содействовать активизации торгово-экономических связей России с Японией и Республикой Корея.

Во внешнеэкономической стратегии Пекина России отводится весьма важное место как крупному поставщику энергоносителей, сырья и рынку сбыта китайских товаров, включая технически все более сложные изделия машиностроения и электроники.

В настоящее время большая часть поставок нефти и природного газа в Китай осуществляется из арабских стран и ряда стран Африки (в первую очередь, Анголы) через узкий Малаккский пролив в Юго-Восточной Азии, который может легко быть блокирован в случае чрезвычайной ситуации. Поэтому Китай заинтересован в альтернативных маршрутах поставок энергоресурсов из России и Центральной Азии по сухопутным маршрутам и из Латинской Америки через Тихий океан.

В связи с этим Китай активно инвестирует в развитие газовой промышленности в Туркменистане, нефтяной и газовой промышленности в Казахстане. На китайские деньги был построен и запущен в эксплуатацию газопровод с месторождения Южный Иолотан в Туркменистане через Узбекистан и Казахстан (через погранпереход и зону свободной торговли Чунджа — Хоргос). Чтобы обеспечить маршруты поставок энергоресурсов из Венесуэлы, Китай занялся реализацией дорогостоящего проекта строительства канала из Атлантического океана в Тихий через Никарагуа. Кроме того, для организации поставок в обход Малаккского пролива был введен в эксплуатацию порт Гвадар в Пакистане, через который по сухопутному маршруту в Китай через Хунджерабский перевал шесть месяцев в году можно доставлять различные грузы, включая нефть и природный газ в цистернах.

В области разработки лесных ресурсов импорт леса из России обеспечивает более 50% внутреннего спроса в условиях существующего запрета на вырубку леса в Китае. В дальнейшем объемы импорта будут увеличиваться.

Развитие сотрудничества в сфере сельского хозяйства позволит Китаю снять острую нехватку пахотных земель и водных ресурсов за счет налаживания производства на российских территориях. Приграничные территории Китая и России имеют схожие климатические условия. Это позволяет за счет использования на российских землях китайских трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники выращивать и производить сельскохозяйственную продукцию, в частности, необходимые для Китая соевые бобы, в Амурской области, Алтайском и Приморском краях. Кроме того, ставится задача стимулировать китайские предприятия к разработке в России месторождений железной руды, цветных металлов, калия, фосфора, глинозема, редкоземельных элементов. Подчеркивается перспективность создания на российской территории совместных предприятий в легкой промышленности и исследовательских центров в различных областях высоких технологий, где Россия занимает передовые позиции (космос, атомная энергетика и т.п.) — на китайские средства, но с привлечением российских специалистов и разработок. Безусловно, реализация подобных предложений китайской стороны позволила бы существенно нарастить масштабы и диверсифицировать двустороннее российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество.

Финансовое сотрудничество двух стран становится все более тесным, однако его уровень остается недостаточным и не соответствует потребностям торгово-экономического взаимодействия и кооперации в научно-технической и производственной сферах. Развитию торгового и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР должно способствовать активизировавшееся в последние годы сотрудничество банков двух стран, ранее резко отстававшее от потребностей обеспечения взаимного товарооборота. В настоящее время в России уже работают филиалы четырех основных банков Китая — Торгово-промышленного, Сельскохозяйственного, Строительного и Банка Китая («Банк Элосы»). В Китае, к сожалению, большая часть банков, за исключением Банка ВТБ-24, имеет лишь представительства, а не филиалы из-за недостаточных объемов уставного и привлеченного капиталов, что существенно сдерживает как развитие инвестиционного сотрудничества, так и двусторонней торговли.

Пока в торгово-экономических отношениях между РФ и КНР слабо задействованы финансовые рычаги, торговля осуществляется через валюту третьих стран, преимущественно американский доллар. В конце 2018 г. китайская сторона отказалась подписывать соглашение о переходе в торговле на валютный обмен «рубль — юань» из-за волатильности российского рубля.

Инвестиционный фактор вплоть до настоящего времени играл незначительную роль в формировании структуры и объемов российско-китайской торговли. По данным на конец 2014 г., по словам полномочного министра Посольства КНР в РФ Чжан Ди, общий объем накопленных китайских инвестиций в России составил около 8 млрд долл. (менее 1% объема китайских инвестиций за рубежом), с выделенными кредитами — примерно 32 млрд долл.

Еще хуже обстоит ситуация с российским капиталом на китайской территории. Ежегодно приток российских инвестиций в КНР колеблется от 20 до 60 млн долл. в год, что составляет менее 0,02% общего объема иностранных инвестиций в КНР. В частности, в 2014 г. объем российских инвестиций в КНР составил всего 40,8 млн долл. при общем объеме иностранных инвестиций 119,6 млрд долл.

В обеих странах основные перспективы инвестиционного сотрудничества связываются с реализацией ряда крупных проектов по поставкам углеводородов (нефти и газа) из России в Китай и с дальнейшим развитием транспортной сети для наращива-

ния объемов двусторонних перевозок и международного транзита грузов через территории двух государств.

Традиционно основными направлениями инвестиций российских компаний в Китай являлись торговля, финансовая деятельность, обрабатывающая промышленность, строительство, транспортные перевозки. Однако в последнее время в связи с резкой девальвацией рубля и удорожанием китайских товаров, предназначенных для реализации на российском рынке, наблюдается сокращение инвестиций из России в торговые операции и транспортные перевозки на территории КНР. Сегодня основными направлениями российских инвестиций в Китае являются финансовая деятельность — 95%, торговля — 4% и обрабатывающая промышленность — 1%.

В настоящее время можно выделить несколько основных аспектов российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, которые оказывают принципиальное влияние на развитие интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии и подтягивание экономического потенциала азиатской части России до уровня ее европейской части.

Можно рассчитывать, что по мере дальнейшего роста китайской экономики и развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества будет происходить не только одностороннее усиление китайской экономики за счет российских природных ресурсов, но и экономическое развитие российского Дальнего Востока и Сибири в результате создания большого количества инфраструктурных объектов.

Можно выделить четыре наиболее перспективных направления российско-китайского сотрудничества: 1) энергетическое; 2) транспортное; 3) инвестиционное и 4) межбанковское. Однако в настоящее время значительные объемы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества связаны с развитием торгового обмена между странами. Прочие формы сотрудничества находятся в зачаточном состоянии, что во многом стало главной причиной спада российско-китайской торговли в 2015–2016 гг., особенно в стоимостном выражении.

М.В. Александрова

Российско-китайское межрегиональное сотрудничество

Торгово-экономические связи с КНР в различной степени поддерживают практически все субъекты Российской Федерации. Для некоторых из них экономическое взаимодействие с Китаем стало за последние 25–30 лет жизненно важным. В последние два года в повестку многих межгосударственных мероприятий так или иначе включён региональный аспект, поскольку 2018–2019 гг. являются для наших стран «Годами межрегионального взаимодействия».

Попытки обсудить межрегиональное экономическое взаимодействие на высоком уровне начались с середины 90-х годов XX в., но первым результатом стала «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)» (далее Программа). По состоянию на сентябрь 2018 г. в стадии реализации находилось 20 проектов этой Программы, из них 9 — с участием китайских инвесторов, 11 — без их участия. В стадии подготовки технической и нормативно-правовой документации, а также в стадии поиска инвесторов и ведения переговоров с потенциальными инвесторами — 8 проектов, 5 проектов утратили актуальность, реализация двух проектов в рамках Программы завершена.

Тем не менее при всей своей слабости и непроработанности Программа стала катализатором создания новых механизмов экономического взаимодействия регионов наших стран.

В ходе 23-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР в ноябре 2018 г. была согласована «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-

экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы», которая стала «условным» продолжением предыдущей Программы.

Существенным различием, которое бросается в глаза, является отсутствие в названии Северо-Востока Китая. Т.е. данная программа рассчитана на китайские инвестиции в целом, а не только трех провинций северо-востока КНР.

Другой отличительной чертой нового документа стало уменьшение «навязываемых» инвесторам проектов. В общей сложности предложено 6 проектов в нефтегазовой сфере, 11 проектов по освоению и переработке твердых полезных ископаемых, включая освоение месторождений золота, платины, руд цветных металлов и пр., 7 проектов в области транспорта. В отношении остальных сфер указаны лишь общие контуры и направления, в которых китайские инвестиции интересны дальневосточникам. При этом настораживает раздел «Сельское хозяйство», в котором для китайских инвесторов предлагается «обширный земельный банк, включающий более 2,5 млн га посевных площадей и 4 млн га пастбищ и сенокосов».

Крайне странным выглядит пункт 3.4. в разделе «Государственная политика по поддержке иностранных инвесторов на Дальнем Востоке Российской Федерации и возможности для инвесторов из Китайской Народной Республики». В нем указывается, что «в случае, если инвестор из Китайской Народной Республики планирует реализацию нового инвестиционного проекта на Дальнем Востоке России в месте, где пока не создана территория опережающего развития, российская сторона будет оценивать возможность распространения режима территории опережающего развития путем расширения границ одной из действующих территорий или создания новой территории опережающего развития на указанном месте». Другими словами, именно китайские инвесторы вправе указывать российской стороне, где для них предпочтительно создавать ТОРы.

В дополнение к «Программе 2018–2024», в которой сельское хозяйство фигурирует как отдельная отрасль инвестиционного взаимодействия, в ходе этой же встречи глав правительств был подписан «План развития сельского хозяйства Северо-Востока Китая и российских Дальнего Востока и Байкальского региона» (с российской стороны его подписали министр сельского хозяйства Дмитрий Патрушев и министр экономического развития Максим Орешкин). Как отметил при этом Патрушев, «китайские инвестиции в российское сельское хозяйство составляют 13% всех иностранных инвестиций в этой сфере, большая их часть вложена в дальневосточном регионе». На сайте Министерства коммерции КНР указывается, что подписанный план представляет собой систематизированный документ, регулирующий сотрудничество в области сельского хозяйства на приграничных территориях двух стран. Его целью является улучшение сельскохозяйственной инфраструктуры, повышение степени безопасности сельхозоборудования, а также развитие сельскохозяйственной техники и увеличение производства основных сельхозкультур. Основными направлениями сотрудничества будут зерноводство, животноводство, рыбоводство, а также маслобойная промышленность. Страны планируют взаимодействовать по вопросам выращивания соевых бобов, поливного риса, овощей. Будет развиваться, в том числе, скотоводство, свиноводство, птицеводство. Планируется создание животноводческих и рыбоводческих совместных российско-китайских ферм с дальнейшей переработкой и производством продукции с высокой добавленной стоимостью. Помимо этого, стороны планируют создание логистических узлов и объектов для транспортировки выращенной сельхозпродукции и произведённой переработанной продукции.

Тем не менее, несмотря на столь масштабные мероприятия, направленные на повышение роли Дальнего Востока в российско-китайском региональном сотрудничестве, на данный момент этот регион занимает лишь 3–4-е место в общем товарообороте с Китаем, уступая Москве по экспорту в КНР в 4–6 раз, а по импорту — в 7–8 раз. Хотя, разу-

меется, в этой статистике много лукавства, достаточно упомянуть, что более 96% экспорта столицы приходится на статью «топливо минеральное и нефть».

Для Дальнего Востока торговля с КНР составляет 28,4% внешнеторгового оборота (ВТО) ФО. При этом именно в ДФО расположены 3 субъекта федерации, у которых сформировалась максимальная степень зависимости от торговли с КНР — это Еврейская автономная область (94% ВТО), Забайкальский край (90,9%) и Амурская область (82,7%).

Для китайской стороны значимость экономического взаимодействия с Россией не столь очевидна. Только для одной провинции КНР — Хэйлунцзяна — сотрудничество с Россией жизненно важно.

В 2018 г. значимость России для Хэйлунцзяна значительно выросла. Товарооборот провинции с нашей страной составил 18,5 млрд юаней или 69,8% ВТО провинции и 17,3% двустороннего товарооборота наших стран. Темпы прироста составили 64,7%, что на 28,3 процентных пункта выше темпов прироста ВТО провинции и на 40,7% выше, чем темпы прироста суммарного российско-китайского товарооборота. Экспорт провинции в Россию составил 1,13 млрд долл., 74,1% экспорта пришлось на три позиции: сельхозпродукция, машино-техническая продукция и обувь. Импорт из РФ более чем на 80% представлен сырой нефтью, поступающей по нефтепроводу «Сковородино-Мохэ».

Если со взаимным товарооборотом всё более-менее прозрачно, то со статистикой взаимных инвестиций по-прежнему много нестыковок.

Например, указывается, что в 2018 г. доля китайских инвестиций составила 7% от общего объёма инвестиций в регион. Одновременно говорится о том, что в 2018 г. в ТОРы и Свободный порт ДФО пришло 32 китайских проекта с инвестициями в объёме 4,2 млрд долл. При этом в октябре 2018 г. на официальном сайте Минвостокразвития было указано, что на сегодняшний день на дальневосточных территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток работает 76 компаний с участием иностранных инвестиций, а общая стоимость этих проектов составляет 253,2 млрд рублей (4,019 млрд долл.). Если это так, то доля китайских инвестиций в ТОРы и свободный порт Владивосток составляет не 7%, а более 100% всех инвестиций.

У китайской стороны также существуют проблемы с подсчетом инвестиций, вложенных в российскую экономику. Так, в марте 2016 г. губернатор Хэйлунцзяна Лу Хао указывал следующие объёмы провинциальных инвестиций в Россию: 2013 год — 510 млн долл, 2014 г. — 1,48 млрд долл, 2015 г. — 4,17 млрд долл. В сентябре же 2016 г. тот же Лу Хао озвучил иные цифры провинциальных инвестиций в Россию: 2013 г. — 407 млн долл., 2014 г. — 700 млн долл, 2015 г. — 4.1 млрд долл.

При этом, по сообщениям китайских СМИ, на конец 2017 г. объём прямых нефинансовых инвестиций провинции в Россию составил всего 2,979 млрд долл., инвестирование было осуществлено в 674 объекта. Другой источник на конец 2017 г. указывает, что было инвестировано в 574 фирмы, количество объектов — то же.

Провинция Хэйлунцзян, как заявляет китайская сторона, — «самый большой» китайский инвестор в России, на нее приходится треть всех китайских инвестиций в РФ. Предприниматели Хэйлунцзяна работают во всех 18 ТОРах, где ими открыты 146 фирм, российской стороне в виде налогов и сборов выплачено 300 млн долл, создано более 5 тыс. рабочих мест. Указывается что предприниматели Хэйлунцзяна инвестировали в 222 проекта в аграрном секторе на территории России, которые обрабатывают 8,7 млн му (580 тыс. га) российской земли. На хэйлунцзянских фермах в России насчитывается 11 тыс. голов крупного рогатого скота, 80 тыс. свиней, 430 тыс. голов птицы. К сожалению, подтверждение этому в официальной статистике найти практически невозможно, поскольку китайские предприниматели действуют через подставные российские фирмы.

Ещё более абсурдная ситуация складывается со статистикой провинции Цзинь, которая, оказывается, инвестировала в 28 проектов на территории России на громадную по сегодняшним меркам сотрудничества общую сумму в 18,4 млрд долл.

В заключение следует отметить, что каких-либо серьёзных «прорывов» в российско-китайском межрегиональном сотрудничестве в 2019 г. ожидать сложно. Единственное, что может значительно вырасти — доля углеводородов в экспорте Приморского края в связи с запуском в декабре 2019 г. «Силы Сибири». Ожидать значительных китайских инвестиций на Дальнем Востоке не следует, все предложенные на ВЭФ проекты более похожи на прожекты, даже те, о которых громко заявляют обе стороны. К примеру, проект ООО «Амурская энергетическая компания» в ТОРе «Приамурская» приостановлен, поскольку главный инвестор — хэйлунцзянская компания «Мэн Лань Син Хэ» — не смогла предоставить его финансовое обеспечение.

В.А. Матвеев

РФ — КНР: нефтегазовый и энергетический вектор двустороннего сотрудничества

Замедление экономики Китая, наблюдаемое в последние годы, не приведет к снижению импорта нефти и газа. Зависимость страны от поставок нефти из-за рубежа растет угрожающими темпами и достигнет в 2019 г. 72,8% по сравнению с 68,4% годом ранее.

При этом Россия перешла на позиции ведущего поставщика нефти в Китай. В настоящее время для подачи нефти в КНР даже снимается часть европейской квоты и перенаправляется в Китай через Казахстан, где планируется расширение нефтепровода Омск — Павлодар — Атасу — Алашанькоу. С 2019 г. «Роснефть» хочет увеличить экспорт по этому маршруту с 10 млн до 13 млн т, а в середине 2020-х годов — до 18 млн т в год.

В целом, в 2018 году объем поставок нефти от «Роснефти» в Китай составил 50 млн т. «Роснефть» поставляет нефть в Китай (в основном в адрес CNPC) по долгосрочным контрактам трубопроводами по отводу от ВСТО Сковородино — Мохэ, через Казахстан, а также танкерами из порта Козьмино.

Предполагалось, что важным направлением развития сотрудничества «Роснефти» с CNPC станет реализация совместного проекта Тяньцзинского НПЗ. Однако в связи с неулаженными проблемами финансирования проекта он пока откладывается.

Что касается сферы сотрудничества в электроэнергетике, то его поле между Россией и Китаем сужается. Импорт электроэнергии из России в настоящее время небольшой и имеет тенденцию к сокращению. Если в 2015 г. стоимость импорта электроэнергии составляла 170 млн долл., то в 2017 всего 143 млн долл.

На ведущее место в энергетическом сотрудничестве двух стран выдвигается газовая отрасль. В Китае происходит настоящая газовая революция, среднегодовой рост потребления газа в стране продолжает расти двухзначными цифрами. К этому же подталкивает нарастающий дефицит нефти. Именно газовая промышленность объективно становится сегодня определяющим фактором дальнейшего развития экономики Китая, а ускоренная газификация страны является актуальнейшей проблемой.

При таких масштабах перехода экономики на газ его собственная добыча в Китае уже не покрывает растущие потребности народного хозяйства. Поэтому в среднесрочной перспективе взят курс на значительное увеличение инвестиций в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности, что позволяет укрепить энергетическую безопасность страны и оптимизировать ценовую конкуренцию между экспортерами газа. В 2018 г. импорт газа в Китае составил около 125 млрд куб.м, а в 2019 г. уже 137 млрд куб.м должно быть закуплено за рубежом.

С конца 2019 г. после ввода в действие трубопроводного проекта «Сила Сибири-1» мощностью 38 млрд куб.м Россия станет серьезным конкурентом на газовом рынке Китая для действующих поставщиков из стран Центральной Азии и Мьянмы. Для Севе-

ро-Востока Китая российский газ является более конкурентоспособным в сравнении с центрально-азиатским газом и СПГ.

Кроме того, Россия и Китай обсуждают еще два трубопроводных проекта: «Сила Сибири-2» (бывший «Алтай») и газопровод «Сила Сибири-3».

Проект «Сила Сибири-2», раньше называвшийся «Алтай», будет начинаться от Уренгойского центра газодобычи мощностью 30 млрд куб.м и базируется на сырьевой базе газопроводов, транспортирующих газ в Европу.

«Сила Сибири-3» будет являться продолжением уже существующего магистрального газопровода Сахалин—Хабаровск—Владивосток с шельфовых месторождений «Сахалин-3» с ныне скорректированной мощностью в 10 млрд куб.м. Таким образом, Россия в среднесрочной перспективе способна обеспечить поставку в Китай до 80 млрд куб.м трубопроводного газа.

Весьма важно, что российско-китайское сотрудничество в газовой сфере предусматривает не только поставку в Китай российского природного газа, но и совместную деятельность в сферах с более высокой добавленной стоимостью, в частности, создание в Китае газораспределительных газопроводов, строительство и эксплуатацию подземных хранилищ газа и т.п. Достигнуто соглашение о координации действий на рынках третьих стран, о формировании совместных предприятий для реализации конкретных проектов и о разработке документов по вопросам стратегического сотрудничества в газовой сфере.

Кроме того, Китай участвует в проекте «Ямал СПГ» российской компании НОВАТЭК. CNPC принадлежат 20% акций, Фонду Шелкового пути — 9,9%, французской Total — 20%. Завод мощностью в 16,5 млн т в год вступил в строй в декабре 2018 г. и теперь продает газ собственным акционерам пропорционально их долям.

В целом бизнесу НОВАТЭКа по продаже СПГ способствует существенный рост цен на газ — в третьем квартале 2018 г. НОВАТЭК продавал СПГ в среднем по \$312 за 1000 куб.м против \$264 — во втором. При этом зимой НОВАТЭК сумел договориться о своповых (по схеме замещения) поставках с другими производителями СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что позволило российской компании сократить транспортные издержки и выполнить обязательства перед своими партнерами в Юго-Восточной Азии.

На финишной прямой находится обсуждение второго проекта НОВАТЭКа по сжижению газа «Арктик СПГ-2» стоимостью 35 млрд долл. и мощностью 19,8 млн т (запуск в 2023 году). С CNPC также обсуждается ее вхождение в проект, наряду с Total и Saudi Aramco.

П.Б.Каменнов

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество

Военное сотрудничество России и Китая является регулярным и распространяется, прежде всего, на отработку взаимодействия при проведении антитеррористических операций. С 2005 г. в рамках ШОС регулярно проводятся совместные антитеррористические военные учения стран-участниц организации «Мирная миссия». С 2012 г. ежегодно проводятся двусторонние военно-морские учения «Морское взаимодействие».

В мае 2016 г. в соответствии с решением глав военных ведомств РФ и КНР в Москве впервые были проведены российско-китайские командно-штабные учения «Воздушно-космическая безопасность—2016» по защите территории двух стран от случайных, несанкционированных и провокационных ударов баллистических и крылатых ракет, осуществленных условной третьей страной или внешней террористической организацией. В декабре 2017 г. в НИИ ПВО и ПРО Академии ВВС НОАК (Пекин) прошли совместные двухсторонние компьютерные командно-штабные учения (ККШУ) России и Китая «Воздушно-космическая безопасность—2017».

В декабре 2017 г. в г. Иньчуань (КНР, Нинся-Хуэйский АР) были проведены первые совместные антитеррористические учения сводной группы сил спецназа Росгвардии и Народной вооруженной полиции (НВП) Китая «Сотрудничество—2017».

В сентябре 2018 г. Китай принял участие в крупнейших со времен маневров «Запад-81» военно-стратегических учениях Вооруженных сил РФ «Восток 2018».

Военно-техническое сотрудничество между РФ и КНР сохраняет свое значение для модернизации китайских вооруженных сил. В 2016–2017 гг. осуществлялась реализация двух контрактов на поставку российской военной техники в Китай: 24 истребителей Су-35 поколения «4++» (заключен осенью 2015 г.) и четырех дивизионов зенитных ракетных систем С-400 (заключен осенью 2014 г.). Завершение поставок запланировано на 2020 г. Кроме того, в ноябре 2018 г. заключены три новых контракта на поставку российских вооружений в КНР.

По мнению российских аналитиков, для углубления российско-китайского военно-технического сотрудничества сторонам следует перейти к разработке совместных долгосрочных планов развития военных технологий, которые были бы ответом на аналогичные долгосрочные программы, разрабатываемые в США. Необходимо сформировать постоянные механизмы сотрудничества по важнейшим прорывным направлениям науки и техники, исходя из анализа сильных и слабых сторон российской и китайской промышленности. Экономическая логика при этом не может целиком доминировать, поскольку сотрудничество необходимо для обеспечения национальной безопасности каждой из сторон перед лицом новых угроз и растущего давления извне.

Российско-китайское сотрудничество в космосе базируется на Межправительственном соглашении о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях от 18 декабря 1992 г. и межведомственном соглашении от 25 марта 1994 г. Результатом стали 93 контракта, включая продажу Пекину технологий строительства корабля «Союз» и другой техники, а также тренировки китайских космонавтов в Центре им. Ю.А. Гагарина.

В процессе сотрудничества выяснилось, что Китай крайне заинтересован в приобретении российских двигателей РД-180, которые могли бы использоваться им в ракетостроении, а Россия — в поставках китайской микрорадиоэлектроники космического назначения. Такой обмен начал обсуждаться на высшем уровне после прихода к власти в КНР Си Цзиньпина.

В 2016 г. было заключено соглашение между правительствами России и Китая о мерах по охране интеллектуальной собственности в области космических технологий. В 2018 г. стороны приняли Программу сотрудничества на 2018–2022 гг., куда были включены 66 тем, в том числе разработка и создание космических аппаратов и электронной компонентной базы, обмен спутниковыми данными дистанционного зондирования Земли, пилотируемая космонавтика, а также совместное развитие и использование спутниковых навигационных систем «Глонасс» (Россия) и «Бэйдоу» (Китай).

Отметим, что за годы 12-й пятилетки (2011–2015) Китай осуществил 78 космических запусков различного назначения, из которых 97% были успешными, что означает выход отрасли по показателю надежности на первое место в мире. Этот опыт китайской стороны может представлять интерес для «Роскосмоса».

А.С. Исаев

Российско-китайское сотрудничество по проблемам кибербезопасности

Сегодняшние возможности сотрудничества России и Китая в сфере кибербезопасности определяются следующими факторами:

– наличием двустороннего межгосударственного Договора о сотрудничестве в области информационной безопасности, подписанного в 2015 г.;

- существованием договоренностей о сотрудничестве стран в цифровой среде (в рамках соглашения, подписанного в 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге), договоренностей в диалоговой структуре БРИКС;
- сходством национальных концепций и правового регулирования при решении проблем цифровой безопасности, включая обеспечение суверенитета национального сегмента киберпространства;
- наличием действующего механизма сотрудничества.

В России информационная безопасность рассматривается как обязательная часть системы национальной безопасности страны, что отражено в национальной Доктрине информационной безопасности, утвержденной 5 декабря 2016 г. Согласно еще одному документу — «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» — целью России является содействие установлению международного правового режима, направленного на создание условий для формирования системы международной информационной безопасности. Этот документ в определенной степени близок по своему содержанию к китайской «Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве», которая появилась на три года позже.

Сходство правовых решений в области кибербезопасности позволяет России и Китаю при разных подходах к информационной политике, в том числе и в области Интернета, идти по пути взаимодействия. Объявленная Пекином и Москвой политика распространения национального суверенитета на киберпространство обязывает их искать согласованные критерии и принципы защиты такого суверенитета.

Между тем международно-правовых критериев решения этой задачи не существует. Остаются только технологические инструменты, которых у обеих сторон явно недостаточно, хотя у Китая по сравнению с Россией есть преимущества.

Процесс обеспечения киберсуверенитета затратен. Россия, к примеру, потратит на решение этой проблемы более 30 млрд руб. Расходы будут расти по мере появления новых ИКТ.

Китай более 20 лет ведет на международной арене переговоры по проблемам кибернетической безопасности. Определяющими для него в этой области являются дискуссии с США. Именно от США исходит давление на информационное пространство КНР. При этом Вашингтон обвиняет Китай в организации проникновений в сетевые ресурсы США. С конца 2016 г. накал публичных взаимных обвинений в кибератаках уменьшился — США сконцентрировали свое внимание на т.н. вмешательстве России в американские президентские выборы 2016 г. и деятельности «пропагандистских СМИ Москвы». Однако на этом фоне резко усилилось давление на китайские корпорации Huawei и ZTE, занимающиеся разработкой и выпуском оборудования для информационно-коммуникационных систем.

Россия и Китай сегодня пытаются де-факто выработать платформу для обеспечения международной информационной безопасности. Одним из первых шагов в данном направлении стало подписание в июне 2009 г. в Екатеринбурге Соглашения между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области международной информационной безопасности.

Между тем решение вопроса о кибербезопасности даже среди стран-членов ШОС стран сложен и запутан. Это проявляется в том, что нередко хакерские группировки одной страны проникают во внутренние ресурсы других стран, причем специалисты полагают, что это делается с целью получения нелегального доступа к технологиям и закрытой информации, для подрыва экономической инфраструктуры и т.п.

Россия и Китай взаимодействуют по проблемам кибербезопасности в ООН (серия предложений по нормам поведения в Интернете, проекты резолюций по вопросам кибербезопасности), в ШОС и РАТС (выработка согласованных мероприятий по пробле-

мам противодействия киберпреступности, внешнему вмешательству в социальную зону киберсферы и т.п.) и других международных структурах.

Таким образом, идет поиск удовлетворяющих обе стороны подходов к решению проблем, возникающих в киберсреде. Наблюдается процесс определения взаимоприемлемых критериев и инструментов обеспечения безопасного киберпространства. Параллельно между Россией и Китаем развивается экспертный диалог по проблемам ИКТ. В ходе работы российско-китайской секции международного дискуссионного клуба «Валдай» прошли обсуждения перспектив двустороннего взаимодействия в цифровой среде. Вместе с тем, следует обратить внимание на проблемы, которые сдерживают диалог и создают риски подрыва доверия.

Во-первых, это разные подходы к проведению внутренней информационной политики и работе с социумом, что, несмотря на высокий уровень сотрудничества российских и китайских СМИ, ограничивает возможности их взаимодействия в медийной среде киберпространства.

Во-вторых, возникают проблемы доверия к качеству разрабатываемых в КНР и приобретаемых зарубежными странами китайских технологий по сравнению с их западными аналогами.

И, в-третьих, существует определенная степень недоверия к практической деятельности в современной киберсреде, имея в виду частые попытки незаконного проникновения в сетевые ресурсы партнерских стран.

Российско-китайские гуманитарные связи

Российско-китайские гуманитарные связи регулируются в рамках деятельности российско-китайской межправительственной Комиссии по гуманитарному сотрудничеству, которая была учреждена 20 лет назад. Эта комиссия стала важным компонентом механизма подготовки и проведения регулярных встреч глав правительств России и Китая.

Механизм развития гуманитарных связей дополняется также другими двусторонними структурами и общественными учреждениями, такими как российско-китайский Комитет дружбы, мира и развития, Общества российско-китайской и китайской российской дружбы и т. д.

Тем не менее, вплоть до настоящего времени основной движущей силой развития гуманитарных контактов между странами были административные ресурсы на центральном и региональном уровнях. Они, безусловно, сыграли свою положительную роль в количественном наращивании объемов связей в культурно-гуманитарной сфере. Однако сегодня возникла потребность обратить внимание на качественные результаты.

Обратимся к двум вопросам. Во-первых, это человеческие обмены, и, во-вторых, деятельность институтов «мягкой силы» на территориях стран-партнеров.

Мы наблюдаем расцвет взаимных визитов, а также укрепление диаспор россиян и китайцев, оказавшихся на ПМЖ в обеих странах. В России временную регистрацию на проживание имеют до 200 тысяч китайцев, почти вдвое меньше, чем 15 лет назад. К этому стоит добавить 1,5 млн китайцев, которые ежегодно посещают нашу страну с туристическими и иными целями.

Китайская диаспора в России четко структурирована и объединена. Китайские объединения на федеральном и региональном уровнях существуют в виде Всероссийской ассоциации китайских соотечественников в России, которая, в свою очередь, разделяется на региональные ассоциации. В рамках этих организационных структур существуют дополнительные ассоциации, формируемые по экономическим видам деятельности, которыми они занимаются на территории России: объединения поставщиков обуви, одежды, электроники, ассоциации китайских рестораторов, союзы специалистов традиционной китайской медицины и так далее.

Количество россиян в Китае не превышает 10 тыс. человек, включая семьи со смешанными бараками. Однако количество россиян, посещающих КНР с туристическими и деловыми целями, составляет 1,8 млн человек в год.

Российские граждане, живущие в КНР, также сформировали свои объединения соотечественников в виде русских клубов в Пекине и Шанхае. Но, в отличие от своих китайских коллег, живущих в России и структурированных по этническим и экономическим принципам, русские клубы объединяют в рамках своих структур людей по языковому признаку (русскоговорящие). Причем к русскоговорящим относятся как непосредственно граждане РФ, так и граждане других стран СНГ. Более того, в мероприятиях Русских клубов на территории Китая активно участвуют и «русскоговорящие» граждане КНР.

Китайские ассоциации, объединенные на экономических принципах, безусловно, располагают собственными финансовыми возможностями, которые позволяют им заниматься не только благотворительной деятельностью, но и финансированием акций, связанных с продвижением китайской культуры и традиций. Они располагают собственными печатными СМИ и другими информационными службами, включая мобильные. Иными словами, китайская диаспора в России живет и работает организованно, целенаправленно и активно, с использованием навыков и методик, наработанных поколениями китайцев, проживающих за рубежом и не теряющих при этом связей со своей родиной. И это очень важный инструмент китайской «мягкой силы» на российской территории, решающий, вкупе с другими, задачи по расширению культурно-гуманитарного влияния.

Вторая тема — деятельность китайских и российских учреждений, которым предписано заниматься вопросами укрепления культурно-гуманитарных связей.

В столицах КНР и РФ активно работают Российский культурный центр и Китайский культурный центр, которые проводят культурно-просветительские мероприятия, кинопоказы, осуществляют лекционную деятельность. Их работа ограничена территориями двух столиц.

В более широком географическом пространстве работают Институты Конфуция в РФ и Центры русского языка в КНР.

В России действуют 17 Институтов Конфуция и 5 Классов Конфуция. Возможности России в Китае поменьше — 10 Русских центров и 5 Кабинетов «Русского мира». Институты и Центры базируются в университетах двух стран и призваны решать образовательные задачи и способствовать развитию культурно-гуманитарных связей.

Китайские институты Конфуция ведут на территории России активную образовательную и научно-исследовательскую работу, организуют научные конференции, в том числе по вопросам двусторонних политико-экономических и научно-культурных отношений, финансируют издательскую деятельность, организуют лекционную работу и т.д. Российские центры в свою очередь должны знакомить китайскую общественность, молодежь и профессорско-преподавательский состав со всем многообразием «русского мира», служить коммуникативной площадкой, в том числе для научно-экспертных обменов, различных культурно-просветительских мероприятий.

Однако финансовые и кадровые возможности участников этого процесса значительно отличаются. В итоге деятельность русских центров и кабинетов русского языка ограничена кадрово и финансово, что, безусловно, сказывается на качестве культурно-просветительской деятельности. В отличие от российских коллег китайские Институты Конфуция финансируются из государственных средств и не испытывают денежных затруднений.

К.А. Гемуева

Гуманитарный и экономический аспекты китайского туризма в России и странах ЕС: сходства и различия

В 2000 г. между Россией и Китаем был введен безвизовый режим для туристических групп. Осенью 2017 г. начал действовать упрощенный визовый режим на Дальнем Востоке. В 2019 г. ожидается заключение нового соглашения, предусматривающего расширение рамок безвизового туризма между странами. Стремительный рост числа китайских туристов в Россию после 2014 г. вызван преимущественно резким ослаблением рубля по отношению к юаню. По данным пограничной службы ФСБ России, за прошедшие десять лет количество граждан КНР, приехавших в Россию с туристической целью, выросло более чем в 10 раз, превысив 1,25 млн человек в 2018 г.

Наибольшей популярностью у туристов из КНР пользуются туры с посещением Москвы и Санкт-Петербурга, а также поездки в приграничные районы и на озеро Байкал. Наряду с традиционными туристическими маршрутами в России и странах ЕС развивается такое направление, как «красный туризм». В последние годы в странах ЕС отмечается возрастающий интерес китайских туристов к уникальным впечатлениям и более глубокому знакомству с местной культурой, в результате набирают популярность индивидуальные туры и путешествия в небольших группах, а также тематические туры. В то же время в России в турпотоке из Китая сохраняется высокая доля поездок в рамках организованных туристических групп. Следует учитывать возможность использования китайского организованного туризма в качестве рычага влияния в политической сфере, как это было в случае Республики Корея в 2017 г.

Для привлечения китайских туристов ряд объектов туристической инфраструктуры принимающих стран начинает адаптироваться в соответствии с их запросами. В числе подобных мер — внедрение китайских мобильных платежных платформ (UnionPay, AliPay и Wechat Pay), возможность обслуживания на китайском языке, продвижение туристических услуг принимающих стран в китайских социальных сетях. Подобные нововведения на туристическом рынке стран ЕС на несколько лет опережают их введение в России.

В течение последнего десятилетия возрос интерес китайских инвесторов к объектам туристической инфраструктуры европейских стран. Заявленные китайским бизнесом крупные инвестиционные проекты «с нуля», за редким исключением, так и остались нереализованными. Наиболее успешные результаты продемонстрировали китайские компании, инвестировавшие в профильные активы в рамках долгосрочной стратегии или развивающие сотрудничество с европейскими партнерами без агрессивной экспансии капитала.

Развитие китайского выездного туризма может привести к ряду серьезных проблем в принимающих странах.

1) «Чрезмерный туризм». В России это явление наблюдается на Байкале и в наиболее популярных музеях. Чрезмерный наплыв туристов создает большую нагрузку на транспортную и туристическую инфраструктуру городов, может привести к ухудшению экологической ситуации и протестам местного населения.

2) «Некультурное поведение». Поступки некоторых китайских туристов, нарушающих общепринятые нормы поведения и действующие нормы законодательства, негативно отражаются на международном имидже Китая. Стоит учитывать, что Китай очень болезненно относится к критике по данному вопросу, например, в Швеции единичный инцидент привел к дипломатическому скандалу между странами.

В некоторых странах (Таиланд, Вьетнам, Индонезия и Россия) коррупция, слабость правовой базы, несовершенные механизмы контроля и регулирования туристиче-

ского рынка породили лазейки для развития китайского и местного теневого бизнеса, обслуживающего китайских туристов. Наиболее острые проблемы вызывают два явления:

1) «Туры по заниженной стоимости». Теневым финансовый оборот за счет заниженной стоимости тура в Китае и завышенных цен в связанных с теневым бизнесом магазинах, ресторанах и отелях, куда направляют китайских туристов, выводит большую часть дохода от туризма из экономики принимающей страны.

2) «Нелегальные гиды». В рамках серых схем в качестве гидов зачастую привлекаются китайские граждане, не владеющие должной квалификацией и работающие незаконно. С одной стороны, туристам оказываются услуги ненадлежащего качества, с другой стороны, нелегальные гиды искажают информацию об туристических объектах, местных традициях и истории.

Для повышения прозрачности российского туристического рынка, ориентированного на прием китайских туристов, требуются решительные и целенаправленные усилия в законодательной сфере, в области контроля и регулирования туристического бизнеса. Решению поставленных задач может способствовать введение закона об обязательной классификации гостиниц, принятие закона об обязательной аттестации экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников, принятие закона, регулирующего работу иностранных электронных платежных сервисов. До тех пор, пока не будет создана четкая и действенная система регулирования рынка в интересах легальных российских участников, экономический вклад китайского туризма в российскую экономику будет крайне ограниченным.

Г.В. Куликова

Народная дипломатия в российско-китайских отношениях

Важную роль в российско-китайских отношениях играла и продолжает играть народная дипломатия.

В «медовый месяц» наших отношений (50-е годы прошлого столетия), основанных на идеологической общности и блоковой солидарности, ОКСД и ОСКД, первые в наших странах общества дружбы, своей активной деятельностью значительно сблизили наши страны и народы.

В тяжелые 1960-е — 1970-е годы, омраченные напряженностью и враждой, ОСКД продолжало свою деятельность. На II Всесоюзной конференции, состоявшейся в Москве в январе 1969 г., в самый разгар «культурной революции» в Китае, ОСКД заявило о том, что главной задачей своей деятельности считает сохранение, укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами.

III Всесоюзная конференция ОСКД в феврале 1978 г. выразила готовность возобновить контакты со своим китайским партнером — ОКСД. За период 1967–1987 гг. ОСКД было проведено более 300 различных мероприятий, посвященных памятным датам китайской истории и истории наших двусторонних отношений.

В апреле 1990 г. посетивший нашу страну премьер Госсовета КНР Ли Пэн и в мае 1991 г. — генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в Москве встретились с руководителями и активистами Общества, что подтвердило признание роли и значения ОСКД в восстановление китайско-российских общественных связей и межгосударственных отношений.

Когда в 1991 г. не стало Советского Союза и прекратили свою деятельность Союз советских обществ дружбы (ССОД) и входившие в его состав 85 обществ дружбы, народная дипломатия вновь подтвердила свою востребованность. Активная позиция председателя ОСКД, директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко, горячо поддержанная сотрудниками ИДВ РАН и активом Общества, привела к тому, что ОРКД не только не прекратило своей работы, а наоборот, стало искать и находить новые формы своей деятельности. В стране стали создаваться региональные отделения Общества, расширялись контакты с

ОКРД. Организации дружбы в конце 1990-х гг. — начале нового столетия поочередно провели в Москве и в Пекине восемь форумов, направленных на развитие межрегионального сотрудничества. Деятельность Общества была направлена также на распространение объективной информации о российско-китайском Договоре 2001 г., о Китае и наших двусторонних отношениях. Большое внимание в деятельности Общества стало уделяться не только знаменательным датам в истории наших стран и двусторонних отношений, но и расширению участия в этих мероприятиях учащейся и студенческой молодежи.

В начале XXI века ОКРД и его региональные отделения выступили активными инициаторами и участниками таких двусторонних крупномасштабных акций, как Национальные годы, Языковые годы, Годы молодежных обменов и Годы СМИ. ОКРД продолжает оставаться единственной в нашей стране организацией, ежегодно проводящей мероприятия, посвященные годовщинам КНР и наших двусторонних отношений, другим знаменательным событиям китайской истории.

9 сентября 2017 г. в Государственном академическом Большом театре России торжественно отмечался 60-летний юбилей ОКРД. Президент РФ В.В.Путин в своем приветственном послании отметил, что «с деятельностью Общества связана почти вся современная история российско-китайских отношений». Председатель КНР Си Цзиньпин в обращении к юбиляру подчеркнул, что «межгосударственные отношения строятся на взаимном расположении народов», и призвал «использовать юбилей как толчок к открытию новых горизонтов народной дипломатии».

Председатель ОКРД, председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике Д.Ф. Мезенцев на всех двусторонних и многосторонних мероприятиях, посвященных инициативе «Один пояс, один путь» и его сопряжению с Евразийским экономическим союзом, активно выступает за наличие гуманитарной составляющей в этих инициативах в равной мере, как и в реализации предложения Председателя КНР о «сообществе единой судьбы». Деятельность ОКРД могла бы содействовать расширению общественной базы этих важных инициатив.

2019 год — год 70-летия Китайской Народной Республики, 70-летия российско-китайских дипломатических отношений и 70-летия со дня создания Общества китайско-российской дружбы. Эти даты будут широко и торжественно отмечаться в наших странах.

Президент РФ В.В. Путин в апреле 2019 г. принимал участие в Международном форуме «Один пояс, один путь» в Пекине. Председатель КНР Си Цзиньпин станет главным гостем на Санкт-Петербургском экономическом форуме. Во Владивостоке в сентябре 2019 г. состоится Восточный экономический форум, в Харбине пройдет российско-китайская ярмарка. Получает дальнейшее развитие межрегиональное сотрудничество. ОКРД будет активно поддерживать реализацию договоренностей, достигнутых на этих высоких встречах.